

МУХАМЕТША БУРАНГУЛОВ

И ЕГО СЛЕДСТВЕННОЕ ДЕЛО В – 6595

***Юрий Ергин,
лауреат премии им. Шагита
Худайбердина***

В основу статьи положены материалы следственного дела В-6595 Мухаметши Бурангулова (1888—1966) из архива Управления Федеральной службы безопасности по РБ (УФСБ по РБ), проливающие свет на малоизвестные или совсем неизвестные страницы жизни и творчества неугомимого собирателя и хранителя фольклора башкирского народа.

В декабре 1990 года дирекция Института истории, языка и литературы Башкирского научного центра Уфимского отделения АН СССР обратилась в Комитет государственной безопасности Башкирской АССР с просьбой дать возможность ознакомиться с уголовным делом Мухаметши Бурангулова, работавшего с 1938 года научным сотрудником НИИ истории, языка и литературы при Башсовнарком, для более глубокого изучения его биографии и творчества. Институту предоставили 17 протоколов допросов Бурангулова, проведенных с апреля по июнь 1956 года (71 лист), и другие документы (датированные 1956—1959 годами), связанные с реабилитацией драматурга по указу Президиума Верховного Совета СССР от 3 сентября 1955 года. Он был обвинен «в принадлежности к антисоветской националистической группе, антисоветской агитации» и осужден 18 октября 1950 года постановлением Особого совещания при МГБ СССР к десяти годам лишения свободы.

В сопроводительном письме к предоставленным материалам дирекцию института предупредили: «**данные в них не перепроверены, и это обстоятельство необходимо учитывать при их использовании**».

Неизвестно, был ли ознакомлен с этой припиской от КГБ сотрудник института, опубликовавший в сборнике «Башкирский фольклор: исследования и материалы», подготовленном к изданию накануне конференции, посвященной 110-летию со дня рождения Мухаметши Бурангулова, статью «Дело №2760» [1]. Долгое время эта публикация, датированная 2004 годом, была единственным источником, проливающим свет на малоизвестные страницы биографии известного башкирского фольклориста и драматурга, которому в 1944 году было присвоено почетное звание «Народный сэсэн БАССР», а 18 октября 1950 года отобрано в связи с его осуждением и заключением в исправительно-трудовой лагерь. Этот материал не только часто цитировался, но и отдельными фрагментами воспроизводился в серьезных научных исследованиях. Например, в монографии В.Г.Котова «Башкирский эпос «Урал-Батыр»: историко-мифологические основы» [2].

Автор статьи [1] назвал следственное дело №2760 (в настоящее время оно вошло первым из пяти томов, числящихся в УФСБ по РБ под номером В-6595) «конспективно изложенной гебистами (*читай — сотрудниками органов госбезопасности. — Ю.Е.*) историей башкирского движения 1917-1919 годов и так называемого башкирского национализма, преследовавшегося органами на протяжении всей советской истории» [1, с. 19] и сгруппировал перечень документов, предоставленных институту и составивших большую часть текста статьи, в несколько групп.

К первой он отнес документы об открытии и закрытии следственного дела (с ордера на арест до пакета документов, собранных для Особого совещания при МГБ СССР). Во вторую и третью вошли протоколы допросов (только до 10 июля 1950 года) и выписки из допросов свидетелей, проходивших по делу № 2760: это земляки Бурангулова и члены Союза писателей, передпрошенные в мае 1956 года, уже после выхода его на свободу в процессе подготовки материалов для реабилитации драматурга.

В четвертую группу автор [1] включил документы, приобщенные к следственному делу и перечисленные в заявлении Мухаметши Бурангулова, которое он направил в прокуратуру БАССР после своего досрочного освобождения из заключения, а в пятую — копии газетных публикаций фольклориста с их переводом на русский язык. И, наконец, в последней значатся ещё 15 документов, так или иначе связанных с именем Бурангулова и хранящихся в Национальном архиве РБ. Это выписка из статьи «О состоянии и мерах улучшения агитационно-пропагандистской работы парторганизаций» («Спутник агитатора», 1945, №3-4); сообщение первого секретаря Башкирского обкома партии С.Д.Игнатьева секретарю Политбюро ЦК ВКП(б) И.Маленкову (1944); материалы XVI Пленума Башкирского обкома ВКП(б), обсудившего работу Пленума Союза писателей Башкирии, исключившего Мухаметшу Бурангулова из членов Союза (1944); определение Верховного Суда СССР по делу Даута Юлтыя, проходившего в 1956 году по делу № 2760 как уже реабилитированного; и справка об итогах реабилитации и пересмотра литературы реабилитированных авторов, представленная в 1961 году в Башкирский обком КПСС. Автор многократно

упомянутой выше публикации заявил, что «Дополнения к делу № 2760», ставшие предметом более подробного изучения прокуратурой БАССР заявления Мухаметши Бурангулова, датированного 2 июля 1956 года, «внесены гебистами в форме первого лица как бы от имени самого Мухаметши Бурангулова и сочинены дознавателями под видом его показаний в 1950 году». Свою статью он закончил фразой: «Дело №2760 есть, по сути, краткая чернуха, вобравшая в себя имена башкирских деятелей, уничтоженных физически и духовно властями и их «оруженосцами» при моральной поддержке определенной части общества» [1, с.39].

Надеемся, что наше небольшое исследование, в основу которого положены подлинные документы следственного дела В-6595 (в пяти томах) Мухаметши Бурангулова, хранящегося в архиве УФСБ по РБ, послужат толчком к последующим изысканиям в создании научной биографии выдающегося знатока народного творчества и собирателя башкирского фольклора. Прошедшая осенью 2018 года в Уфе Международная научно-практическая конференция «Мухаметша Бурангулов — сэсэн, драматург, общественный деятель», посвященная 130-летию со дня рождения выдающегося башкирского фольклориста [3], к сожалению, практически ни на шаг не продвинулась в этом направлении. При написании настоящей статьи автор использовал и те документы, которые хранятся в Научном архиве Уфимского научного центра Российской академии наук [4—5] и Национальном архиве РБ [13-16].

Корни: начало начал

Мухаметша Абдрахманович Бурангулов родился 15 декабря 1886 года в деревне Верхне-Ильясово Юмран-Табынской волости Бузулукского уезда Самарской губернии (ныне Красногвардейский район Оренбургской области) в семье крестьянина-середняка. Детство его было трудным: в девять лет лишился отца, а в двенадцать и вовсе остался круглым сиротой.

Из допроса М. Бурангулова (1950, 10 июня): «Мой отец умер в марте 1900 года. При жизни вместе с братом он имел более 30 десятин земли, после смерти брата она целиком перешла в его собственность. Еще отец имел 20 голов лошадей с подростками, 10 коров и голов 20 овец. Относительно его, якобы, службы старшиной волости сообщают, что отец действительно избирался обществом на должность волостного старшины, но прослужив два-три месяца (а не 10 лет, как указано в представленном следствию сельсоветом справке), был отстранен от этой должности не то земским начальником, не то самим губернатором. Как судимый за участие в беспорядках при разделе земли, во время которых был убит землемер, отец отсидел 6 лет в Петропавловской крепости»¹.

Тяга к знаниям у Мухаметши появилась очень рано. Окончив земскую школу в соседней деревне] Старо-Юлдашевой, в 1901 году он поступает в медресе Сайтовского

¹ Речь идет о тюрьме города Петропавловска, возникшего в 1752 году в царствование императрицы Елизаветы Петровны в целях укрепления южных рубежей Российской империи В настоящее время это город Павловск, административный центр Северо-Казахстанской области Республики Казахстан.

посада в Каргале у Хайруллы Галикеева² при 7-й мечети. В свободное от учебы время работает приемщиком на мельнице Фаткуллы Забирова в городе Актюбинске, учителствует в Актюбинском уезде среди казахского населения, а летом 1907 и 1908 годов во время дополнительной переписи населения здесь же трудится переводчиком.

В год окончания Каргалинского медресе (1907) в жизни подростка происходит событие, оказавшее большое влияние на его дальнейшую судьбу. В ауле Идрисово Бурзянской волости Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии он знакомится со знаменитым кураистом и сэсэн-импровизатором Габитом Аргынбаевым³, обладавшим большим даром воспроизводить по памяти многие эпические произведения башкирского народного творчества. Тогда Бурангулов был еще шакирдом схоластического мусульманского медресе и, конечно, не мог понимать научного значения фольклора. Скорее всего, старался точнее запомнить все услышанное от Аргынбаева только для того, чтобы затем самому рассказать во время словесных состязаний среди шакирдов.

Габит Аргынбаев, которого в народе называли просто Габит-сэсэн, пробудил в душе юного Мухаметшии только горячий интерес к фольклору, но и стремление к познанию особенностей устно-поэтического народного творчества. В 1908 году, во время обучения в медресе «Хусаиния», юноша встретился с Ризаитдином Фахретдиновым, в то время редактором газеты «Вақыт» (Время) и журнала «Шура» (Совет), издававшихся на языке тюрки в Оренбурге. Маститый просветитель и ученый одобрил первые фольклорные записи молодого собирателя, поведав ему об историческом и художественном значениях произведений устного народного творчества, о роли сэсэнов и кураистов.

Эта встреча сыграла решающую роль в дальнейших изысканиях Мухаметшии: его юношеское увлечение скоро переросло в сознательную и целенаправленную деятельность, а запись фольклорных произведений в их целостности и особой художественной выразительности стала впоследствии и смыслом всей его жизни [6]. Встреча с Ризой Фахретдиновым, всколыхнувшая душу юноши, послужила началом его неутомимой подвижнической работы по собирательству и сохранению национального фольклора, принесшей ему в будущем не только славу первого народного сэсэна Башкирской АССР (1944), писателя-драматурга и ученого-фольклориста, но и многочисленные личные бедствия и разочарования.

² Галикеев Хайрулла (1856 - после 1923), религиозный деятель, ишан. Происходил из башкир деревни Араслановой Кара-Якуповской волости Уфимского уезда и губернии. В 1885 году был избран на должность 2-го муллы 7-й Соборной мечети Сеитовского посада, а в декабре 1886 года Указом Оренбургского губернского правления утвержден к ней в звании имам-хатыба и мудarrisа. Позднее возглавил приход! был удостоен почетного звания ахуна.

³ Аргынбаев Г.Б. (1856—1921) импровизатор-кураист, собиратель башкирского фольклора. Именно от него в 1910—1912 годах - Бурангулов записал ряд героических сказаний, составивших впоследствии сокровищницу башкирского мирового этнического наследия: «Урал-батыр», «Идель и Яик» «Кусяк-бий», «Тамьян», «Батырша», «Карасакал», «Юлай и Салават», «Хары-мулла», а также стихотворения Салавата Юлаева «Агидель течет среди бурных скал...», «Монисты твоих кос мне навевают...», «Наброситься готов летящий ястреб...» и др. В 1912 году в Стерлитамаке на конкурсе аистов-сказителей был удостоен 1-й премии.

М.Бурангулов в год окончания медресе «Хусаиния». 1912 г.

В 1910 году Мухаметша Бурангулов впервые записал от Габита-сэсэна поэтический текст кубаира «Урал-батыр», который в свою очередь импровизатор усвоил от другого сэсэна Ишмухамета Мурзаханова (настоящее имя — Мурзакай Балапанов), проживавшего в ауле Балапаново Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии (ныне Абзелиловский район РБ). Мухаметша, поддерживая связь с сэсэном, и в последующие годы часто слушал и изучал его репертуар, встречался с ним на сабантуях и празднествах, где проводились не только национальные спортивные игры, но и происходили выступления — состязания народных талантов. В хранящейся в Научном архиве Уфимского научного центра РАН рукописи «Творцы

фольклора» Бурангулов пишет о том, что Габит-сэсэну-кураист на них, как правило, всегда выходил победителем. Так, по итогам двух байге, одно из которых в 1912 году провел оренбургский губернатор Н.А. Сухомлинов в честь 100-летия победы в Отечественной войне 1812 года, а второе в 1920-м организовало Башкирское автономное правительство в Стерлитамаке, Габиту-сэсэну вручили первые призы [6]. Манеру исполнения Аргынбаевым текстов фольклорных произведений, буквально пропущенных импровизатором через свое сердце, в той же рукописи Мухаметша описал следующими словами: «Когда он рассказывает, забывшись, весь уходит в тот эпический мир, по ходу повествования то громко засмеется, то заплачет и с комом в горле остановится. Поньет тогда холодной воды, а потом долго сидит молча. Затем приставит ко рту курай и играет любимую мелодию. И так продолжается до тех пор, пока он не успокоится и не возобновит прерванный рассказ» [7].

Из допроса Бурангулова (1950, 11 апреля): «В зимние периоды с 1907 года по 1912 годы я обучался в Оренбурге в медресе Хусаиния. В 1910-м меня призвали на военную службу, но признали белобилетником. Летом 1912 года я окончил Хусаинию с присвоением звания имам-хатыба и с декабря того же года до Февральской революции 1917 года служил указным муллой в Соборной мечети деревни Каипкуловой Ново-Башкирской волости Оренбургской губернии»⁴.

Из передопроса Бурангулова (1956, 19 ноября): «Когда я учился в медресе Хусаиния, никакого понятия о политике не имел. Мы, все обучавшиеся в медресе, считали, что, кто против правительства, тот и революционер. Именно с такими взглядами я встретил Февральскую, а потом и Октябрьскую революции 1917 года».

Особенностью протоколов допросов Мухаметши Бурангулова 1950 года, находящихся в следственном деле В-6595, является то, что иногда в один и тот же день

⁴ В следственном деле Мухаметши Бурангулова хранится выписка из «Списка мечетей, находящихся в районе Оренбургского уезда и губернии», из которой следует: «Бурангулов Абдрахман, Имам-хатыб (по Указу №3044 от 9 декабря 1912 года) Соборной мечети Каипкуловской Ново-Башкирской волости Оренбургской губернии, построенной по проекту строительного отделения Губернского правления от 16 сентября 1866 года».

на похожие вопросы он давал не совсем одинаковые ответы. Такие несовпадения касались, например, хронологии, когда речь шла о каком-то конкретном событии и документе или перечне событий в их временной последовательности. В протоколах, датированных 1950 годом, часто встречаются фразы «точно не помню», «позже уточню» и другие, аналогичные по смыслу. Следует иметь в виду и тот факт, что в своей жалобе, направленной в прокуратуру БАССР в июне 1956 года, сразу же после досрочного освобождения из ГУЛАГа (май того же года), Бурангулов прямо заявляет о том, что практически все протоколы допросов подписаны им без предварительного прочтения, поскольку они составлялись не во время допроса, а позже. Поэтому целый ряд несовпадений в ответах на поставленные следователем одни и те же вопросы (часто они менялись даже в один и тот же день) возникли из-за неточного изложения последними сказанного подследственным на самом деле.

Такие несовпадения, а часто и явные противоречия в показаниях Мухаметши Бурангулова объясняются и большой интенсивностью его допросов, нередко проводившихся глубокой ночью. В следственном деле В-6595 имеется справка, представленная в прокуратуру БАССР в конце 1956 года, из которой следует, что во время нахождения заключенного в Уфе во временной тюрьме с 13 апреля по 26 декабря 1950 года он допрашивался более ста (!) раз шестью (!) разными следователями, причем на момент составления этого документа наиболее «активный» из них был уже уволен из органов госбезопасности. Только 8 марта 1950 года этот следователь вызывал Бурангулова на допрос 18 (!) раз. Причем часть из них, начавшихся поздно вечером, завершалась глубокой ночью только на утро следующего дня.

В этой связи особенно ценными являются показания, данные Бурангуловым в январе-феврале 1959 года уже не в качестве обвиняемого, а **свидетеля** (*выделено автором. — Ю.Е.*), вызванного на передпросы в связи с проверкой материалов по его жалобе в прокуратуру БАССР после освобождения из ГУЛАГа и возвращения в Уфу. Эти показания не только соответствуют его автобиографии, датированной 1959 годом, находящейся в настоящее время в Научном архиве УНЦ РАН [8], но и проливают свет на целый ряд малоизвестных и не отраженных в указанном документе эпизодах и даже этапах жизненного пути. Это, в частности, аресты летом 1918 года в Бузулуке, июне 1920 года в Оренбурге, летом 1933 года в Мелеузе и осенью 1937 года в Уфе.

Годы революций и Гражданской войны

1917 год стал знаменательным и судьбоносным не только для России в целом, но и для всего мусульманского населения страны. 1-11 мая в Москве по инициативе Временного центрального бюро российских мусульман состоялся первый Всероссийский мусульманский съезд⁵, а в Башкирском крае прошли три курултая (съезда),

⁵ На этом съезде, в работе которого приняли участие около 800 делегатов, были рассмотрены вопросы: о форме государственного устройства, об уравнении в правах женщин с мужчинами о мусульманских воинских формированиях и ряд других. Съезд принял резолюции: по внутреннему государственному устройству — Россия является демократической республикой на национально-федеративных началах; народы, не имеющие определенных территорий, должны пользоваться национальной автономией по вопросу просвещения — всеобщая начальная школа с обучением на родном языке с преподаванием русского языка как специального предмета; по-военному вопросу — армия долям на строиться по национальному признаку, солдаты должны служить на территории, где она

определившие стратегию Башкирского национального движения. Это 1-й Всеобщий съезд башкир в Оренбурге (20—27 июля 1917 года), 2-й областной съезд в Уфе (25—29 августа) и Всебашкирский учредительный курултай в Оренбурге (8—20 декабря, 21 декабря 1917 — 3 января 1918 гг. по новому стилю), на котором была принята резолюция об утверждении автономии Башкортостана в границах Малой Башкирии.

Мухаметша Бурангулов оказался вовлеченным в самую гущу Башкирского национального движения. Его фамилия фигурирует в списке делегатов всех перечисленных выше курултаев. Именно во время их прохождения в газетах «Башкорт») (орган Башкирского центрального Шуро, издавалась с июля 1917 года) и «Яна Вакыт» (с ноября 1917- го главный редактор Фатих Карими) увидели свет статьи Бурангулова, впоследствии приобщенные (в переводе на русский язык) к следственному делу В-6595. На 1-м Всебашкирском курултае, проходившем в июле 1917 года в Оренбурге, Бурангулов, как делегат от башкир Пугачевского уезда Самарской губернии, кратко выступил два раза. В следственном деле представлены экземпляры номеров газеты «Башкорт» (№4 от 25 июля и №5 августа 1917 - го), в которых увидели свет материалы этого съезда.

В первом выступлении Бурангулов просит докладчика Ахмет-Заки Валидова *«разъяснить вопросы государственной, федеративной и областной автономии»* (так в тексте, переведенном на русский язык. — *Ю.Е.*). Второе его выступление сделано в прениях по докладу молодой учительницы Рабиги Юмагуловой⁶ по женскому вопросу, внесенному в регламент работы съезда этой единственной женщиной-делегаткой от Самарской губернии. В своем выступлении Юмагулова выдвинула семь требований, в числе которых главными были названы одинаковые с мужчинами политические и гражданские права и право участия женщин в политических и общественных делах. Во внесенной делегаткой резолюции предполагалось запретить выдавать замуж башкирских девушек, не достигших 16-летнего возраста, закрепить непротиворечащее шариату право не носить чадру и ввести всеобщее обязательное обучение девушек на башкирском и русском языках.

проживают; по религиозному вопросу — реорганизация Оренбургского Магометанского] Духовного собрания. Съезд принял также решение о создании Всероссийского мусульманского совета, избрал его исполком и правление Духовного собрания.

⁶ Юмагулова Р.Я, по мужу с 1922 — Кушаева (1901 — 1937), делегат 1 - го Всебашкирского курултая (1917), с 1919 года - заведующая женским отделом Башкирского обкома ВКП(б), с 1927 года - заведующая башкирским детским домом им.Ш.Худайбердина (Уфа), с 1929 - инспектор Управления детскими домами Наркомата просвещения РСФСР (Москва).

Газета «Башкорт» от 8 августа 1917 года, в которой опубликовано выступление М.Бурангулова в прениях по докладу Р.Юмагуловой.

Из газеты «Башкорт» (1917, 8 августа): «Председательствующий Заки Валидов. призывает Бурангулова говорить только о светских и политических правах башкирской женщины, оставляя ее религиозные права на рассмотрение духовенства и Духовного собрания. Но большинство присутствующих приходит в ярость против председательствующего Валидова, упрекая его в непонимании шариата. После этого Бурангулов продолжает свое выступление, но присутствующие поднимают шум и против него. В конце своего выступления Бурангулов высказался за предоставление права женщинам избирать и быть избранными, не нарушая мусульманского шариата» [так в русском переводе текста. — Ю.Е.]

Из допроса М. Бурангулова (1950, 10 июня): «В мае 1917 года в

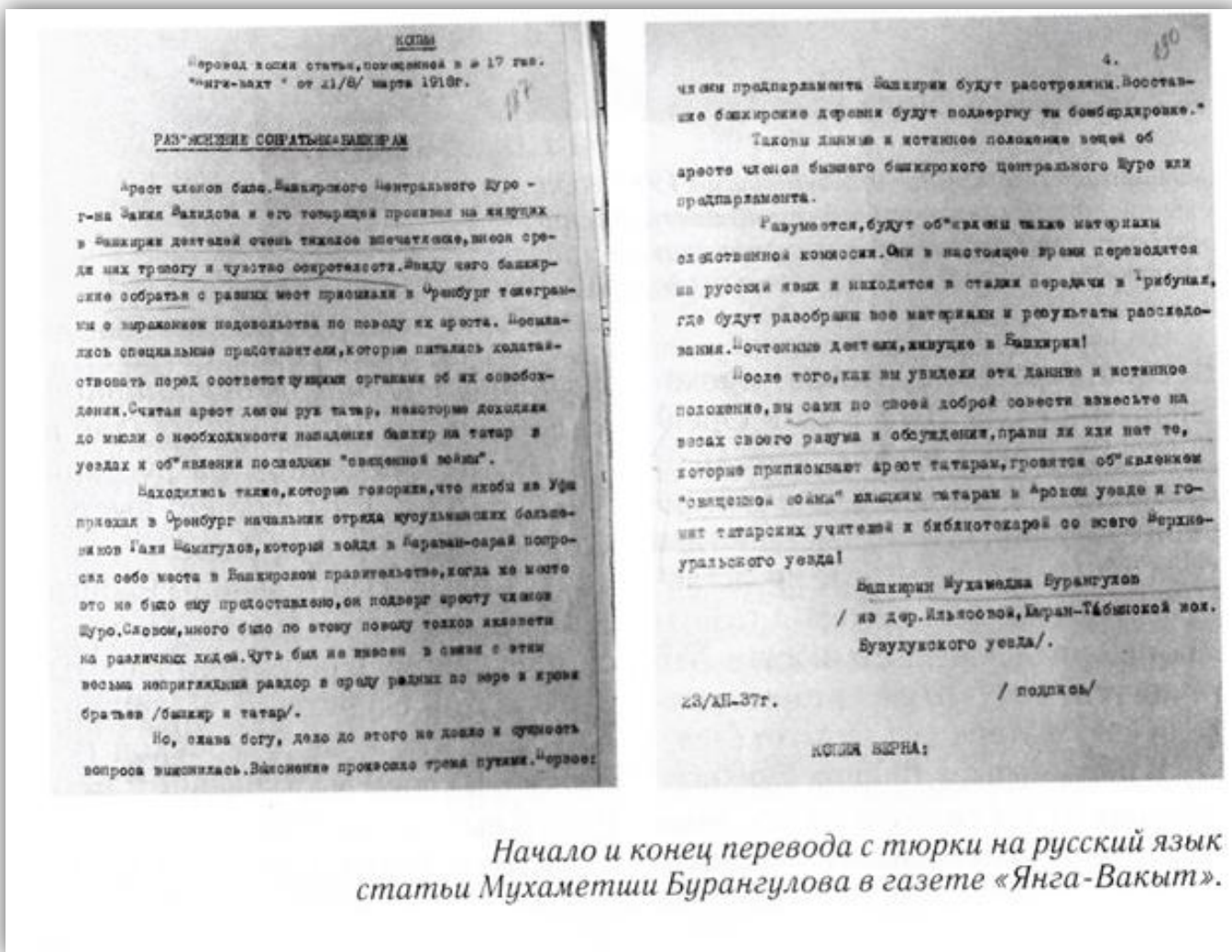
Москве состоялся Всероссийский мусульманский съезд, делегаты которого от башкирского рода нашли необходимым созвать в Оренбурге в Караван - Сарай Всебашкирский съезд. В это время я, добровольно отказавшись от духовного звания муллы, уже работал преподавателем приходской школы при Каипкуловской мечети. Во время мобилизации 1914 года, как преподаватель приходской школы, был освобожден от воинской службы, а в 1916 году уехал в Бузулук. Там я работал в должности школьного инструктора отдела родного образования Юмаран-Табынской (так в тексте, правильно Юмран-Табынской. — Ю.Е.) волости Бузулукского уезда Сахарской губернии (ныне Люксембургский район Чкаловской области) ...По окончании 1-го Всеобщего съезда башкир в Оренбурге на основании его решения с двумя другими делегатами съезда Ильясовым Абдрахманом (сын муллы, работал учителем) и Агишевым Ишмухаметом (мулла деревни Актыново Бузулукского уезда) организовал Ток-Чуранское районное шуро. Председателем был избран Ильясов, секретарем Юлтыев Даут⁷ (из деревни Юлтыевой Юмаран-Табынской волости

⁷ Юлтый (Юлтыев) Даут (1893-1938), один из основоположников современной башкирской литературы. В годы гражданской войны работал в военной газете «Красная звезда», военный комиссар и партсекретарь Башкирского военного комиссариата (1920). Научный секретарь Общества по изучению Башкирии (1928), в 1930-х годах редактор башкирского журнала «Октябрь», газеты «Литературный удар». Репрессирован (1937), расстрелян. Реабилитирован (1956). Автор историко-романтической трагедии «Карагул» (1925), ряда пьес на злободневные темы.

Оренбургской губернии), казначеем Агишев, а я как член шуро ведал вопросами народного образования...

Учредительный съезд, состоявшийся в конце 1917 года в Оренбурге, принял положение об организации на местах местных органов власти — кантонных управ. Такая управа была создана и в Ток-Чуранском кантоне. Его председателем стал Абдрахман Ильясов, среди других шести членов управы был избран и я, Бурангулов, одновременно ставший и заведующим отделом народного образования».

В освещении событий, связанных с арестом Башкирского правительства в Оренбурге и всем, что за этим последовало, непосредственное участие принял и Мухаметша Бурангулов. 21 (8) марта в газете «Янга-Вақыт» (Новое время⁸) он опубликовал статью «Разъяснение собратьям-башкирам» (1917, №7), в которой призвал башкир удержаться от конфликтов с татарским населением. Из этой статьи, перевод которой на русский язык находится в следственном деле Бурангулова, мы узнаем о том, что для расследования ареста Башкирского правительства создали специальную комиссию из 12 человек, в состав которой поровну вошли представители: из Казани; как от правого крыла оренбургского МВРК, организовавшего арест, так и от его левого крыла, образованного непосредственно в

Начало и конец перевода с тюрки на русский язык статьи Мухаметши Бурангулова в газете «Янга-Вақыт».

⁸ «Янга-Вақыт» (Новое время), общественно-политическая газета, издававшаяся с 1 ноября 1917 по 22 марта 1918 в Оренбурге. Редактор — Фатих Карими.

день ареста (Абдулла Давлетшин, Бахтигарей Шафиев и другие); от Оренбургского губревкома; от Тургайского областного комиссариата, а также *«два представителя от башкир, одним из которых был я»* [Бурангулов].

То обстоятельство, что Мухаметша Бурангулов вошел в состав следственной комиссии по расследованию обстоятельств ареста членов Башкирского правительства в Оренбурге, с одной стороны, говорит о его большом авторитете в соответствующих кругах башкирского общества, с другой, как увидим ниже, послужит в пользу его освобождения в августе 1921 года из Бутырской тюрьмы в Москве *«как пострадавшего от контрреволюции»*.

У истоков формирования башкирской советской драматургии

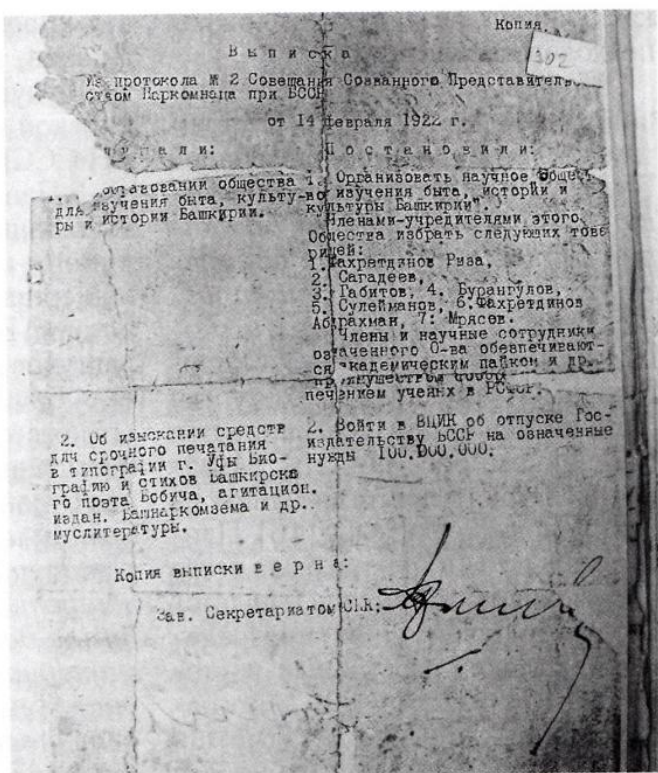
В августе 1920 года Мухаметша Бурангулов ушел с должности председателя Ток-Чуранского кантис-полкома, преподавал башкирский язык и литературу сначала в своей родной деревне Верхне-Ильясово, а потом в средних учебных заведениях Стерлитамака, Уфы, Мелеуза, Юматово и Альпеево. Одновременно в 1933 — 1935 годах Мухаметша заочно обучался на литературном отделении Башкирского государственного педагогического института, который не окончил в связи с задержанием осенью 1937 года органами НКВД БашАССР местных научных кадров. Задержания начались в республике после приезда из Москвы секретаря ЦК ВКП(б) А.А. Жданова. Органами ОГПУ и НКВД СССР Мухаметша Бурангулов до своего «политического расстрела» в 1950 году арестовывался несколько раз: во второй половине 1920-го, весной 1933 и в конце 1937 года и каждый раз освобождался *«за отсутствием оснований для предъявления обвинений»*.

Однако именно 1920—1930 годы стали тем временем, когда Бурангулов большую часть своей творческой энергии отдал сбору башкирского фольклора и написанию драматических фольклорных произведений, в центре которых, как правило, развивалась сложная психологическая драма.

16 февраля 1922 года Постановлением БашЦИКа в Стерлитамаке, тогдашней столице Малой Башкирии, *«в целях изучения быта, культуры и истории Башкирии с привлечением для работы лучших научных сил Башкирии, а также знатоков края и истории Башкирии»* создается Общество по изучению быта, культуры и истории Башкирии, созданное при Башнаркомпросе [14-15]. Мухаметша Бурангулов стал одним из его членов-учредителей [16]. Первоначально в Обществе было всего семь человек: математик и педагог Габдулла Сулейманов (председатель), выдающийся ученый-востоковед Риза Фахретдинов, этнографы и фольклористы Мухаметша Бурангулов, Хайрулла Габитов и Сагит Мрясов (секретарь), Хадиаттулла Сагадиев, последний нарком просвещения Малой Башкирии [17] и журналист Габдрахман Фахретдинов, сын Ризы Фахретдинова. После создания Большой Башкирии организация переехала из Стерлитамака в Уфу, объединилась с уже существовавшей в этом городе подобной по изучению Южного Урала [18] и стала называться Обществом

по изучению Башкирии (председатель — Хайрулла Габитов). Число ее членов стало возрастать: 45 человек в 1924 году, 102 — в 1927-м. Почетными членами были поэт и драматург Мажит Гафури, артист и режиссер Валиулла Муртазин, ученые-востоковеды Василий Бартольд и Абубакир Диваев, этнограф Сергей Руденко, будущий руководитель Башкирской комплексной экспедиции АН СССР.

В Национальном архиве Республики Башкортостан сохранился подлинник мандата члена Научного общества по изучению культуры и истории Башкирии Мухаметши Бурангулова за подписями председателя БашЦИК, Башнаркомпроса и его председателя [19], оказавшегося невыданным. Документ предоставлял Бурангулову «право входить в архивы и дела всех советских учреждений Б[ашкирской]ССР, получения там оригиналов или копий бумаг дел, могущих послужить материалом к истории Башкирии». Тем же мандатом «всем ответственным лицам советских учреждений под их личную ответственность вменяется в обязанность всякое содействие тов. Бурангулову и предоставление ему возможности успешного выполнения возложенных на него научных работ, ...причем все материалы, относящиеся к изучению быта, культуры и истории Башкирии независимо от их содержания, находящиеся как при тов. Бурангулове, так и на его квартире, не подлежат изъятию как следственными, так и судебными органами БССР и РСФСР без ведома и специального на то разрешения Совета Научного об[щества] и Президиума БашЦИКа». Интересно, как бы среагировали на последние фразы этого мандата, подписанного председателем БашЦИКа, органы НКВД Башкирской АССР при аресте Бурангулова в Уфе 11 апреля 1950 года?

Документ об организации научного общества по изучению быта, истории и культуры Башкирии. 14 февраля, 1922 г.

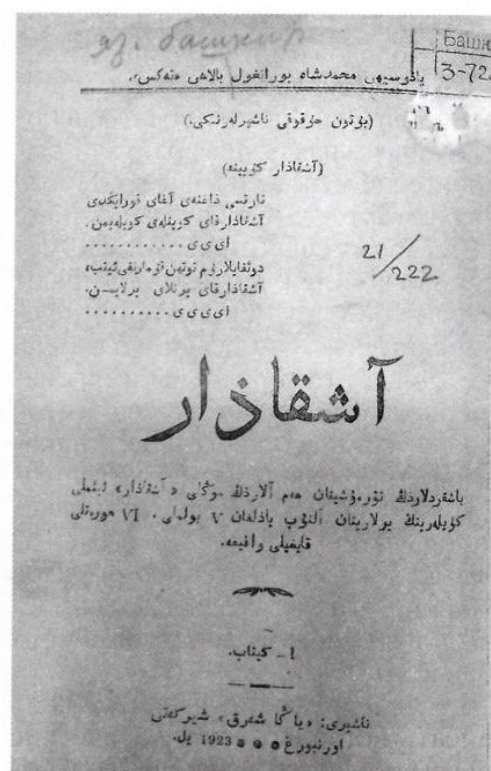
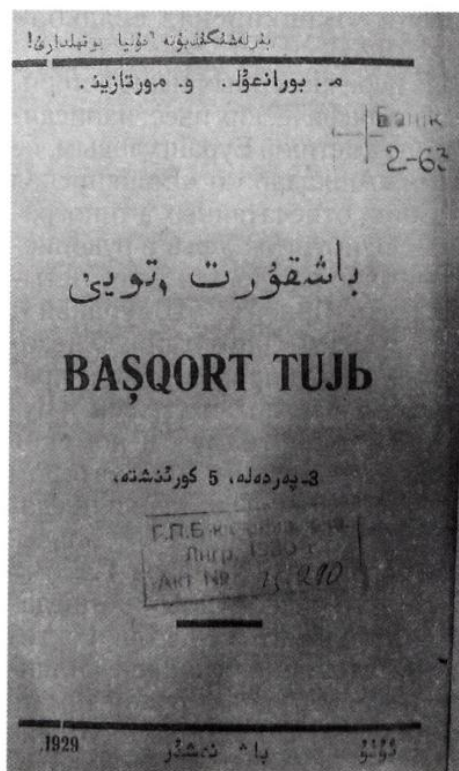
Литературно-художественная деятельность Мухаметши Бурангулова началась в 1917 году с написания пьесы «Ашкадар», впервые поставленной 8 ноября 1919 года к годовщине Октябрьской революции на сцене Башкирского передвижного театра драмы в Стерлитамаке. Это литературное произведение основано на одноименной легенде, записанной молодым фольклористом в 1912 году в деревне Карасай нынешнего Стерлитамакского района от ахуна по имени Рауф⁹. Последний в свою очередь сообщил Мухаметше, что услышал эту легенду от старика Валита, фамилия которого осталась неизвестной.

⁹ Рукописный вариант легенды и текста песни «Ашкадар» были опубликованы Мухаметшой Бурангуловым в №13 журнала «Шура» (Совет) за 1915 год.

Сюжет драмы прост и даже наивен. Молодой охотник Юмагул и девушка Танхылу любят друг друга. К отцу девушки приходят сваты, и после долгих раздумий родители выдают ее замуж за Юмагула. После свадьбы молодые живут счастливо, но во время очередной охоты Юмагул погибает. Родители собирают кураистов и певцов, которые и сочиняют песню «Ашкадар» о гибели охотника. Его горячо любимая жена также участвует в сложении этой песни. Из этого небольшого лаконичного сюжета Мухаметше Бурангулову, использовавшему многочисленные этнографические элементы быта, обычаев, свадебных обрядов башкир, удалось создать полномасштабную картину мира тогдашних башкир.

Бурангулов и позже продолжал писать историко-этнографические пьесы, создав в начавшейся формироваться башкирской советской драматургии по существу новое тематическое целевое направление. К таким произведениям следует отнести: «Голубую шаль» (1918), «Буранбай» (1920), «Тафтиляу» [1921], «Алпамыша» (1922), «Кан-Ю-Салим» (1923), «Ялан-Яркей» 1923—1926), «Черного иноходца» (1924), «Шауракай» (1925, 1948), «Фатыма, дочь муллы» 1926), «Башкирскую свадьбу» 1926-1943), «Гульчачак»(1939), «Таштугай» (1938—1959). Несмотря на огромный успех у зрительской аудитории, из всех перечисленных пьес были изданы только две: драма «Ашкадар» (Оренбург, 1919) и «Башкирская свадьба» (Уфа, 1923).

Из перечисленных выше историко-этнографических пьес, написанных Мухаметшой Бурангуловым, не считая «Ашкадар» и «Башкирская свадьба», отпечатанных в типографиях Оренбурга и Уфы, в рукописном виде до нас дошли лишь четыре: «Ялан-Яркей», «Шауракай», «Гульчачак» и «Таштугай». О недошедших до нас произведениях драматурга известно, что пьесы «Буранбай», «Тафтиляу» и комедия «Кара-Юрга» написаны автором на основе народных песен и преданий; пьеса

Драмы Мухаметши Бурангулова «Ашкадар» (Оренбург, 1919) и «Башкирская свадьба» (Уфа, 1923).

«Алпамыша» — эпического сказания, а «Кантон-Салим» и «Фатыма, дочь муллы» — преданий одного и того же цикла. На титульной странице рукописи «Ялан-Яркей» автор своей рукой прямо указал на то, что эта пьеса создана на основе одной небольшой фольклорной легенды.

В 1926 году в газете «Башкортостан» (№7,7 марта) Мухаметша Бурангулов, рассказывая историю происхождения песни «Шаура-килен», заметил: *«У нас, башкир, как и у других наций, есть очень богатая литература. Много из нее могло бы создать основу романов, драм и других литературных произведений»*. Именно таким фольклорным произведением он считал свою пьесу «Шаура -килен», по мотивам которой через сорок лет композитор Загир Исмагилов создаст оперу «Шаура»¹⁰. Пьеса «Шаура - килен», в ее основу положены предания из башкирских песен «Ялан-Яркей» и «Будрятал», состоит из трех частей, отражающих, соответственно, три этапа жизни героини, прототипом которой является реальная личность. Аналогично на сюжетах одноименных песен и преданий построены драмы «Шаура-килен» и «Таштугай», а драма «Гульчачак» вообще представляет собой один из вариантов пьесы «Башкирская свадьба». Таким образом, все названные выше произведения основаны на богатом историко-этнографическом материале, глубоком знании башкирских обычаев и обрядов, музыкально-песенной культуры и национальной хореографии. Безусловно, наиболее яркую и противоречивую жизнь на сцене из всех вышеперечисленных произведений судьба уготовила пьесе «Башкирская свадьба», до настоящего времени не сходящей со сцен современных театров.

9 апреля 21 мая 1926 года в той же газете Мухаметша Бурангулов опубликовал историю песен и предания «Умэр» или «Ювасалы», в которой отражены трагические события в жизни башкир, связанные с расхищением их земель. После того на страницах журнала «Октябрь» (в настоящее время — «Агидель», 1931, № 6-2) и трех номерах газеты «Литературный удар» (орган Башкирской ассоциации пролетарских писателей, выходила в Уфе с апреля 1931 по январь 1933) 1931, №7, 8, 11 открылась дискуссия о том, нужно ли обсуждать в печати традиционные народные песни.

Выпады на это народное творчество прекратились лишь после Первого Всесоюзного съезда писателей (1934), на котором Максим Горький бросил клич изучать национальный фольклор.

С 1 сентября 1938 года по 1 октября 1939 года он стал работать научным сотрудником Башкирского НИИ национальной культуры. В это время он подготовил к изданию сборник «Истории старинных башкирских песен», прошедший в 1940 году типографический набор, оставшийся неизданным (находится в Научном архиве Уфимского научного центра РАН). В сборник были включены песни-предания «Урал», «Буранбай», «Сибай» и другие, впоследствии полностью вошедшие в многотомное «Башкирское народное творчество», научное издание, выпускаемое ИИЯЛ Уфимского научного центра РАН.

¹⁰ Премьера оперы «Шаура» (в 3-х действиях) З.Г.Исмагилова, созданной на либретто Баязита Бикбая, написанной по мотивам одноименной песни, состоялась 21 декабря 1961 года на сцене Башкирского государственного театра оперы и балета.

Из чисто исторических произведений Мухаметши Бурангулова назовем драму «Карасакал» (1930—1939), пьесу «Идукай и Мурадым» (1940—1948) и либретто к опере «Мерген» (1939), в которых, с одной стороны, в соответствии с господствующей в то время идеологией отчетливо чувствуется определенный историко-революционный пафос, с другой, то, что все они написаны на основе известных башкирских эпических сказаний.

Особое место в фольклорном наследии Бурангулова занимает кубаир «Идукай и Мурадым», восходящий к «Идиги»¹¹ и повествующий о сложном и противоречивом периоде существования Золотой Орды в конце XIV — начале XV веков, когда на Востоке утвердилась новая мировая держава Тимура с центром в Средней Азии [2]. Идегей, правитель (эмир) Золотой Орды (1309), основатель Ногайской Орды, изображен в нем как герой, вступивший в жестокую схватку с ханом Золотой Орды Токтамышем, пришедшем после смерти Туй-Ходжи-Оглана, правителя Мангышлака, бежавшим к Тимуру. В 1380 году Токтамыш победил Мамай, захватил власть в Золотой Орде и, взяв через два года Москву, восстановил зависимость русских земель от Золотой Орды.

Академик В.М. Жирмунский (1891 — 1971), выдающийся русский филолог, исследователь проблем общего, германского и тюркского языков, в своих монографиях «Сравнительное изучение героического эпоса народов Средней Азии» (Москва, 1968) и «Фольклор Запада и Востока: «Сравнительные исторические очерки» (Москва, 2004), сопоставляя различные национальные версии этого эпоса, из сюжета которого полностью выпали такие западные отношения Золотой Орды, как битва на Воркле, поход на Москву, пришел к выводу о том, что в научной памяти каждого народа сохраняются не столько великодержавные претензии исторического Идиги, сколько внутренние политические мотивы борьбы, соперничества династий и интриг претендентов на престол, которые *«заменены в эпосе личными отношениями между Токтамышем, несправедливым и жестоким ханом, и Идиги, его мудрым вельможей и храбрым военачальником, на стороне которого народные симпатии»*. При этом личные противоречия между несправедливым ханом и его честным вассалом В.М.Жирмунский назвал *«типичным конфликтом для эпоса феодальной эпохи»*.

Считается, что полный текст эпоса «Идукай и Мурадым» Мухаметша Бурангулов обнаружил еще в 1910 году в деревне Нижне-Ильясовой Бузулукского уезда Самарской губернии в рукописи 1762 года (не сохранилась). По другим данным, сводный текст этого выдающегося памятника словесности, опубликованный фольклористом на башкирском языке в журнале «Октябрь» (1940, №№6-8), составлен им на основе известных вариантов.

¹¹ Национальные версии эпоса «Идегей» в стихотворно-прозаической форме бытуют у ногайцев, башкир, казахов, каракалпаков и алтайцев. Фрагменты эпоса записаны М.Н.Уметбаевым (1883), Х.Г.Габитовым (1923), Г.Ф.Вильдановым (1927). Один из его вариантов зафиксирован Наки Исанбетом в 1928 году в деревне Кусимово Тамьян-Катайского кантона (ныне Абзелиловский район РБ) и в деревнях Яикбаево и Туркменево Зилаирского кантона (ныне Баймакский район РБ). В Научном архиве УНЦ РАН находятся около 15 вариантов этого эпоса, записанных на территории Башкортостана и Оренбургской области.

Политический «расстрел» первого народного сэсна

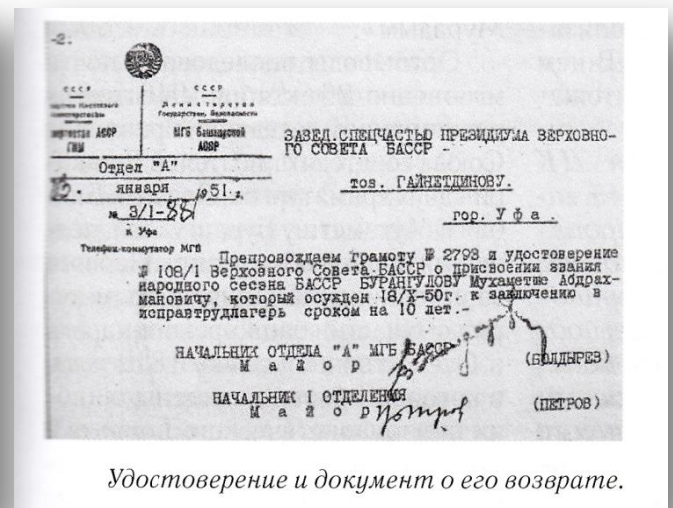
Став с 1 сентября 1938 года научным сотрудником по фольклору Башкирского научно-исследовательского института национальной культуры, Мухаметша Бурангулов полностью погрузился в любимое дело. Он систематизирует и публикует собранные им за 30 лет собственноручно сделанные записи башкирского устного народного творчества. В короткие сроки передает в научный фонд института тексты героических эпосов «Урал-батыр», «Акбузат», «Идукай и Мурадым», «Карасакал», «Юлай и Салават», варианты других эпосов, множество старинных песен, легенд, описаний башкирского свадебного обряда.

25 февраля 1940 года Бурангулова принимают в члены Союза советских писателей. Он публикует большую поэму об отечественных войнах 1812, 1941-1945 гг., готовит к печати «Эпос о батырах». 18 апреля 1944 года Президиум Верховного Совета БашАССР за выдающиеся заслуги в области импровизаторского искусства, как говорится в указе, присваивает Мухаметше Бурангулову почетное звание «Народный сэсэн Башкирской АССР». Однако очень скоро над драматургом и фольклористом начинают сгущаться тучи...

В августе 1944 года ЦКВКП(б) принял постановление «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы Татарской партийной организации», в котором татарских фольклористов -исследователей обвинили в идеализации истории Золотой Орды, приукрашивании и популяризации «ханско-феодалного» татарского варианта историко-эпического дастана «Идегей».

Неудивительно, что очень скоро в Уфе от имени группы советских писателей, фамилии которых по этическим соображениям в данной статье не буду приводить, в Башкирский обком ВКП(б) на Мухаметшу Бурангулова поступил политический донос. Приведу из этого письма лишь небольшую выдержку по поводу пьесы «Башкирская свадьба»:

«...Будучи байско-тарханской пьесой, она не может мобилизовать духовные силы народа на разрешение задач, поставленных партией и правительством в

ответственный период Отечественной войны советского народа с немецко-фашистскими захватчиками, наоборот, вводит зрителя в заблуждение, искаженно представляя прошлое Башкирии».

На XVI пленуме Башкирского обкома партии [19] рассмотрели поступивший «сигнал», логическим завершением которого стало постановление ЦК ВКГТ(б) от 27 января 1945 года «О состоянии агитационно-пропагандистской работы в Башкирской партийной организации и путях ее улучшения». В нем Бурангулова подвергли уничтожающей критике.

Из постановления ЦК ВКЛ(б) от 27 января 1945 года: «...В литературных произведениях «Идукай и Мурадым», «Эпос о богатырях» не приводятся разграничения между подлинными национально-освободительными движениями башкирского народа и разбойничьими набегами башкирских феодалов на соседние народы, недостаточно показывается угнетение трудящихся башкир татарами и башкирскими феодалами, идеализируется патриархально-феодалное прошлое башкир».

За этим, по существу, политическим «расстрелом» последовал повторный. 26 августа 1946 года ЦК ВКП(б) издал циркулярное постановление «О репертуаре драматических театров и меры его улучшения», который стал идеологическим документом, начавшим борьбу за постановку в советских театрах исключительно советской драматургии с восхвалением советского образа жизни. Все остальное рассматривалось как инакомыслие и строго наказывалось. В этом документе в числе пьес, «не имеющих никакого исторического и воспитательного значения, идеализирующих жизнь царей, ханов и вельмож», была названа драма Мухаметши Бурангулова «Идукай и Мурадым».

Оргвыводы последовали почти мгновенно. 26 октября 1946 года на расширенном заседании правления Союза советских писателей Башкирии двух драматургов, Баязита Бикбая и Мухаметшу Бурангулова, подвергли полной обструкции. Первого за историческую пьесу «Кахым-ту-ря» об участии башкирского народа в Отечественной войне 1812 года, в которой «были допущены ошибки националистического порядка и противопоставление башкирского народа русскому»; а второго за то, что «все его [Бурангулова] произведения на исторические темы пропитаны духом приукрашивания прошлого, духом защиты патриархального феодального строя, духом национализма (пьесы «Идукай и Мурадым», «Башкирская свадьба», «Гульчачак» и другие).

Припомнили драматургу и его прошлое: «...Учитывая, что Бурангулов М. в прошлом был религиозным деятелем (муллой), а позднее деятелем контрреволюционного валидовского правительства, до последнего времени он не мог освободиться от националистической идеологии, что и отразилось в его творчестве». Итог обсуждения его творческой деятельности фактически был предрешен: «Исключить из членов Союза писателей СССР, Верховный Совет Башкирской АССР просит снять с него звание сэсэна, как не оправдавшего это звание».

В следственном деле В-6595 сохранилась копия 2-страничного заявления Мухаметши Бурангулова, направленного им 6 ноября 1946 года в адрес правления

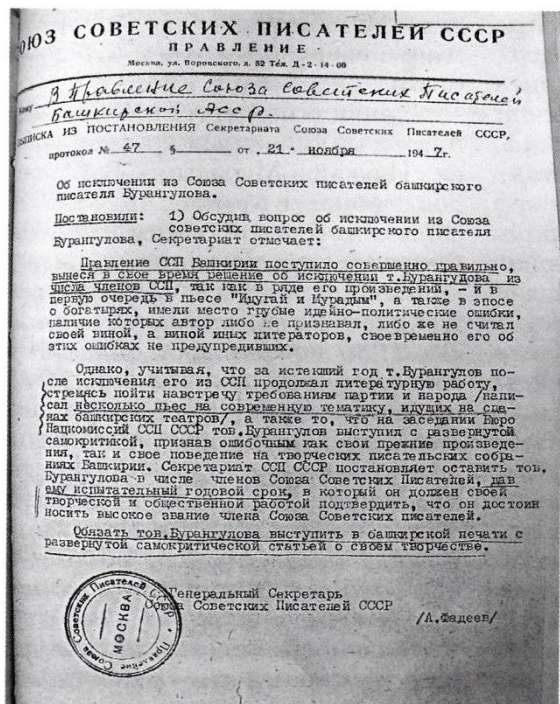
Союза писателей СССР. К нему он приложил копию протокола расширенного заседания правления Союза писателей Башкирии от 26 октября 1946 года об исключении его из членов Союза и ходатайство перед Верховным Советом БашАССР о лишении почетного звания «Народный эсэн».

В заявлении, перечислив основные, созданные им как поэтом, драматургом и фольклористом произведения, он акцентировал внимание на том, что было им написано в годы Великой Отечественной войны и рекомендовано для фронтовых библиотек: кубаиры «Поэма о Сталине», «О Сталинской конституции», «Поэма об Отечественной войне», «Кубаир о великой дружбе», «Письмо благодарности» и другие.

Говоря о подвергнутой Союзом писателей Башкирии критике эпоса «Идукай и Мурадым», Бурангулов сообщил в Москву, что «он составлен не мной одним, а целой бригадой¹² при Институте языка и литературы в Уфе, в которую входили также т.т. Усманов [до 1939 и с 1943 года директор Института], Нигмати [с 1943 по 1946 год ответственный секретарь Правления СП Башкирии], Бикбай [в 1941—1943 годы председатель СП Башкирии] и я, а пьеса «Идукай и Мурадым» написана мной на основе одобренных сводных вариантов, находящихся в Институте».

В своем заявлении драматург сообщил также, что «Башкирская свадьба», написанная им в 1925-м, шла на сцене Башкирского драмтеатра до 1938 года, затем переработана, в сентябре 1946-го одобрена Союзом писателей Башкирии, управлением по делам искусств при Башсовнарком и разрешена главным репертуарным управлением к постановке в театрах. Что касается «Эпоса о батырах», положительная оценка этого произведения опубликована в издаваемой в Москве «Литературной газете» (1940, № 13, от 5 марта). Отвергая свою принадлежность к националистическому валидовскому правительству, Мухаметша Бурангулов свое заявление в адрес Союза советских писателей СССР завершил просьбой учесть все им написанное и оставить его в числе членов Союза для продолжения литературной работы.

Внимание читателей предлагаю факсимиле протокола №47 заседания правления Союза советских писателей от 21 ноября 1947 года, направленного в адрес правления Союза писателей Башкирии, в котором говорится, что Мухаметша Бурангулов восстановлен в числе членов организации с испытательным сроком в один год. Одновременно ему предложили выступить в печати с критикой своих прошлых

Постановление секретариата Союза советских писателей об оставлении Мухаметши Бурангулова в числе членов Союза. 1947 г.

¹² К заявлению Мухаметша Бурангулов приложил копию договора о написании этого эпоса «бригадой» сотрудников Института.

произведений, в которых он проводит буржуазно-националистические идеи.

Однако в печати с критикой своих драматических произведений, осужденных писательской общественностью, он не выступил. Написанные им новые пьесы (одна под названием «Шауракай» шла на сцене Башкирского драмтеатра в 1948—1949 годах, другую, «Бурные дни», вышедшую из-под пера в 1947 году, к постановке не приняли). Первая на историко-бытовую тему башкирского народа, вторая посвящена советизации Башкирии, еще в большей степени, чем все предыдущие, идеализировала прошлое. И, по мнению Союза писателей Башкирии, «популяризовала контрреволюционные буржуазно-националистические идеи».

Поэтому неудивительно, что состоявшийся 16 февраля 1949 года пленум Союза писателей Башкирии довершил расправу над Мухаметшой Бурангуловым. В докладе председателя правления этой организации «Башкирская советская драматургия после Постановления ЦК ВКП(б) «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению» было сказано, что за последнее время «основной репертуар Башкирского драмтеатра по-прежнему составляли драматические постановки Мухаметши Бурангулова, в частности, его вредная пьеса «Идукай и Мурадым», в которой свирепый золотоордынский хан показан как народный герой» [15].

Из доклада «Башкирская советская драматургия...» (1949, 16 февраля): «...Он [Бурангулов] по-прежнему пишет пьесы на старые темы и поет в них ту же самую старую тему. Что ни пьеса, то у Бурангулова старое и полное отсутствие партийного подхода к историческим явлениям. Так, в своей пьесе «Бурные дни» (в 4-х действиях, 1947—1948 годы) о гражданской войне в Башкирии шесть сцен из восьми посвящены показу деятельности белогвардейцев и буржуазных националистов с их лозунгами о расчленении России и создании какого-то мусульманского государства. Этому контрреволюционному лагерю Бурангулов не противопоставляет революционные народные массы, руководимые большевистской партией...

Тех, кого автор пьесы называет большевиками-революционерами, невозможно отличить от всех остальных персонажей. При таком освещении событий пьеса объективно превращается в пропаганду реакционной буржуазной идеологии и морали, в попытку отравить советских людей мировоззрениями, враждебными советскому обществу.

...Давно истек испытательный срок, данный Бурангулову постановлением Союза писателей СССР от 21 ноября 1947 года, которым он должен был своей творческой и общественной работой подтвердить, что достоин носить высокое звание члена Союза советских писателей. Этот срок давно истек, но Бурангулов себя еще не оправдал... Мало того, он [Бурангулов] не только не признал своей вины, но даже не осмелился послать в редакцию журнала «Эдеби Башкортостана»¹³ письмо, в котором доказывал бы неизбежность этих крупных и грубых политических ошибок».

¹³ Речь идет о журнале «Эдеби Башкортостан» («Литературная Башкирия», с 1949 года), до 1930 года выходил под названием «Октябрь», с 1961 — литературно-художественный и общественно-политический журнал «Агидель», учредителем которого являются Правительство РБ и Союз писателей РБ.

Арест и приговор

«К десяти годам...»

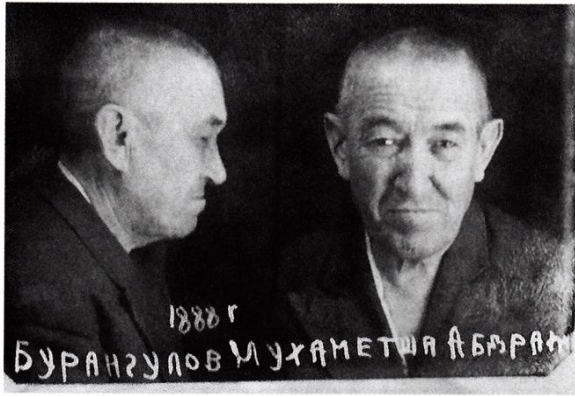

Фото Мухаметши Бурангулова, сделанное в уфимской тюрьме. 10 апреля 1950 г.

Ордер на арест Бурангулова министерство госбезопасности Башкирской АССР выдало 5 апреля 1950 года. При обыске и аресте на квартире через пять дней по адресу: Уфа, улица Тукаева, дом 41, квартира 7 были изъяты рукописные произведения и ряд принадлежавших арестованному личных вещей, а факт изъятия засвидетельствован его

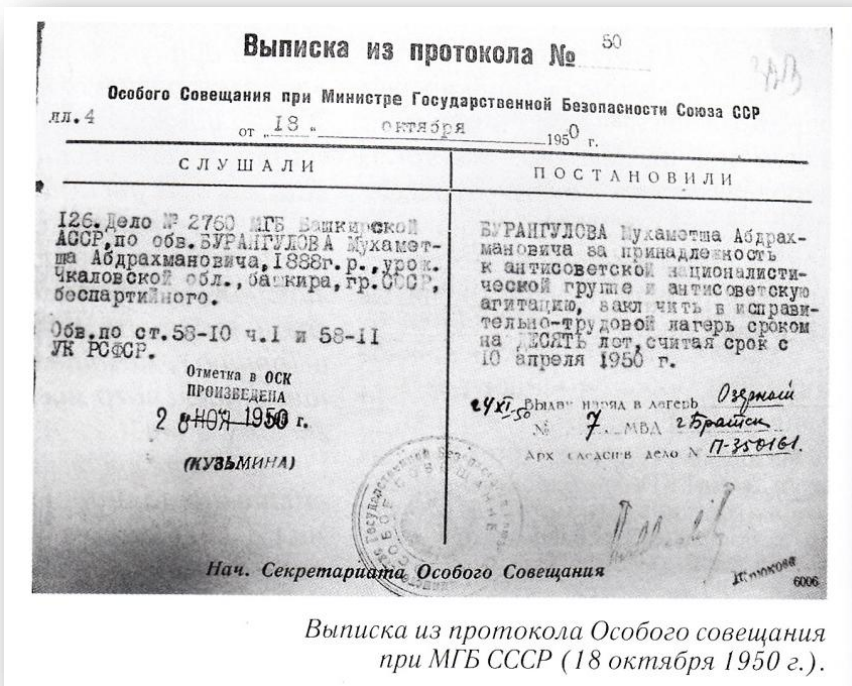
подписью. И уже на следующий день, 11 апреля, Мухаметшу Бурангулова дважды допросили. Вниманию читателей предлагаем факсимиле первых страниц этих допросов: первый начался в 10 часов 35 минут и продолжался пять часов, а второй, начавшийся в 22 часа 30 минут, закончился уже поздней ночью.

Следующий допрос датирован 27 апреля 1950 года (всего число дней допросов — 31, а протокол об окончании следственного дела и передаче его в Москву для рассмотрения Особым совещанием при МГБ СССР датирован 12 июля 1950 года). В тот же день в Особый отдел МГБ СССР на хранение «как вещественные по делу доказательств» сдали семь пьес Мухаметши Бурангулова: «Идукай и Мурадым», «Бурные дни», «Настоящая любовь», «Молодые сердца», «Шауракай», «Башкирская свадьба», «Гульчачак» и либретто опер «Ашкадар» и «Таштугай».

Днем раньше некоторые конфискованные при аресте рукописи и личные вещи Мухаметши Бурангулова под расписку возвратили его супруге, поскольку «они не являются по своему содержанию антисоветскими и по делу не могут служить вещественными доказательствами». Такими «неантисоветскими» оказались: текст эпоса «Урал-батыр», пьесы «Нежданная весть», «Встречи», план написания пьесы «Письмо без подписи», три кубаира собственного сочинения («О Родине», «Об Отечественной войне» (1812), «О законе»), башкирские народные песни (какие именно, в документе не сказано. — *Авт.*), народная сказка «Кузый Курпес», три тетради рукописей, одно личное письмо (на четырех печатных листах), разная переписка (на 14 печатных листах).

Из обвинительного заключения по следственному делу М.Бурангулова (1950, 12 июля): «...Бурангулов Мухаметша Абдрахманович, 1888 года рождения,... отец был крупным кулаком и старшиной волости, по национальности башкир, с незаконченным высшим образованием, на иждивении имеет жену и внука, с 1919 по 1921 год состоял членом РКП(б)¹⁴, из партии выбыл механически, ранее не судим. До ареста писатель-

¹⁴ Из архивной справки (1919) Бузулукского Укома РКП(б): «Бурангулов Мухаметша состоит членом РКП(б) с 15 мая 1919 года, является членом и председателем партийной ячейки Ток-Чуранского кантона (мусульманская секция)». В 1922 году из членов РКП(б) Мухаметша Бурангулов выбыл механически.

Выписка из протокола Особого сопещения при МГБ СССР (18 октября 1950 г.).

драматург, из членов Союза писателей исключен. С 1912 по 1917 годы был муллой. Родной брат осужден за антисоветскую деятельность, тесть — бывший помещик.

...Обвиняется в том, что, являясь выходцем из социально-чуждой среды и бывшим служителем религиозного культа, будучи убежденным националистом-панисламистом, с первых лет Октябрьской революции примкнул к

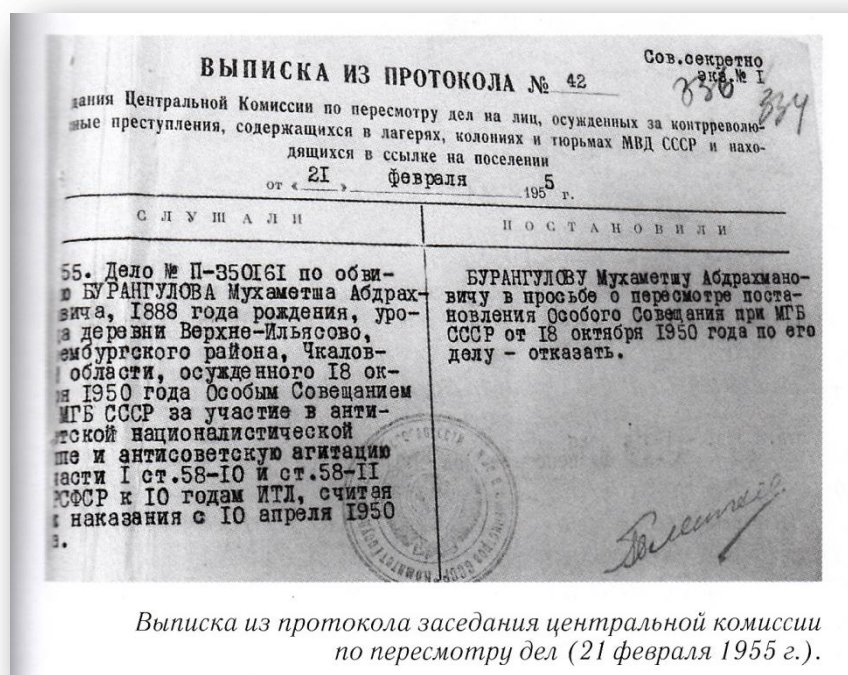
националистическому движению, возглавлявшемуся лидером буржуазных националистов Закием Валидовым (бежал в Турцию), мечтавшим о создании отдельного мусульманского государства.

...Вместе с другими националистами - валидовцами принимал в 1920 году активное участие в организации и проведении контрреволюционного саботажа, организованного по директиве Валидова по поводу его отзыва из Башкирии в Москву;

...В 1921 году, находясь в Ташкенте, принимал участие в нелегальном объединенном совещании националистов из числа башкир, киргизов и узбеков, на котором была выделена делегация в Японию и Афганистан с обращением к японскому и английскому правительствам об оккупации Средне - Азиатских советских республик и об оказании националистам помощи для борьбы с Советской властью;

...В 1935 году участвовал в сборище националистов, проходившем в Уфе на квартирах Давлетишина Губайдуллы и Юлтыева Даута, где обсуждались вопросы организации борьбы с Советской властью, об установлении по указанию Валидова тесного контакта с турецким посольством в СССР;

...Поддерживал до 1937 года тесные связи с

Выписка из протокола заседания центральной комиссии по пересмотру дел (21 февраля 1955 г.).

националистами - валидовцами, был хорошо осведомлен об их враждебной деятельности против Советской власти и о существовании в Москве центра антисоветской националистической организации, к которой примыкал и сам».

Далее в 5-страничном документе Мухаметша Бурангулов обвинялся «как писатель, до ареста в 1950 году пропагандировавший в своих драматических произведениях националистические идеи и байско - феодальный уклад жизни, извращения советской действительности». С ссылками на постановление секретариата Союза советских писателей в обвинительном заключении перечислены «пьесы на историко-бытовые темы под названием «Ашка-ар» (шла на сцене до 1930 года), «Башкирская свадьба» (снята с репертуара лишь в 1946-м), в которых автор, фальсифицируя историю, показывает ханов за народных героев, идеализирует патриархально-феодальное прошлое башкир». Говорилось и о том, что дважды решением ЦК ВКП(б) произведения Бурангулова «Идукай и Мурадым» (в 1945-м) и «Эпос о батырах» (в 1946-м) были осуждены «как идеологически не выдержанные и искажающие историческое прошлое башкирского народа», но и после этого драматург не перестроился: «написанная им в 1945-1946 годах пьеса «Настоящая любовь», посвященная современной теме, ставившаяся в 1947-1949 годах на сцене советских театров, оказалась идеологически невыдержанной и опошляющей жизнь советских людей».

Незабытыми остались и факты исключения Мухаметши Бурангулова из членов Союза писателей Башкирии «как националиста, стоявшего не на платформе Советской власти», а также нежелание выступить в печати с критикой драматических произведений, осужденных общественностью.

Заканчивалось обвинительное заключение тем, что «Бурангулов в предъявленном ему обвинении по статье 58, пункт 10, часть 1 и 58 пункт 2 УКРСФСР виновным себя признал (выделено автором), отрицал лишь свою формальную принадлежность к подпольной антисоветской националистической организации. Поэтому следствие по делу считать законченным и направить его в Особое совещание при МГБ СССР, определить обвиняемому меру наказания 10 лет в исправительно-трудовых лагерях, а самого обвиняемого с 17 июля 1950 года дальнейшим содержанием под стражей перечислить за Особым совещанием МГБ СССР».

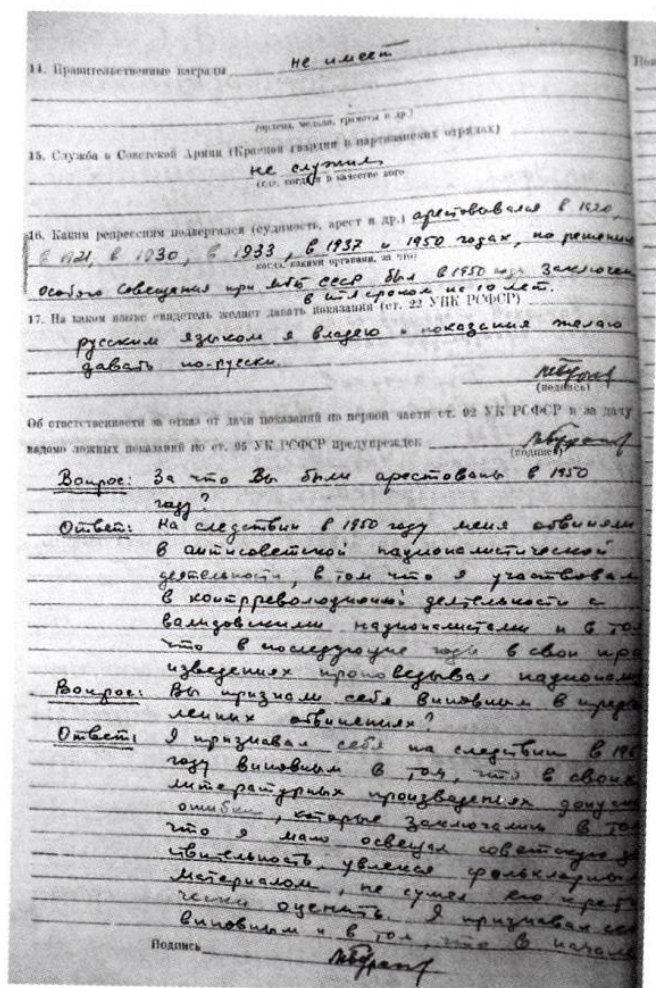
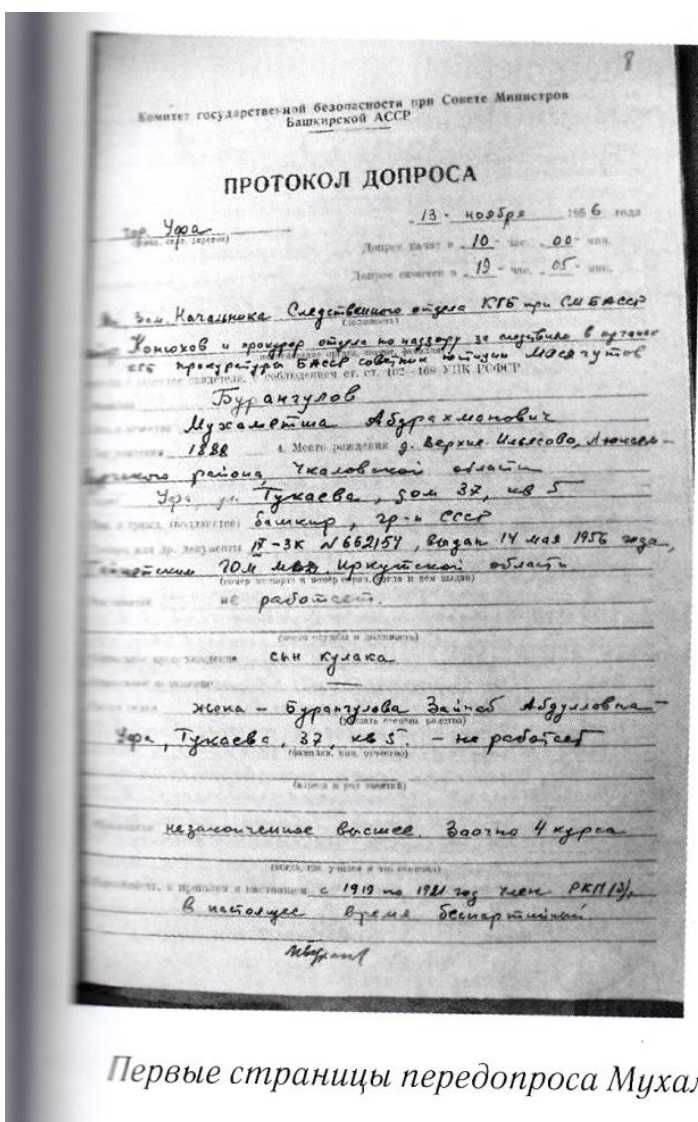
Через два дня, 15 июля 1950 года, обвинительное заключение по делу Мухаметши Бурангулова по статье 58-10, часть 1 и 58 - 11 Уголовного кодекса РСФСР утвердила прокуратура Башкирской АССР, а дело отправили в Особое совещание при МГБ СССР «для рассмотрения по существу ввиду невозможности рассмотрения его в гласном суде. Меру наказания Бурангулову определить в 10 лет ИТЛ».

Отбывал наказание Бурангулов в исправительно-трудовом лагере, расположенном в поселке Заярск (Иркутская область, Ангарлагерь). Работал бригадиром на возведении железной дороги Тайшет-Лена.

Из характеристики, выданной ему «взамен трудовой книжки» после освобождения по указу Верховного Совета СССР от 3 октября 1955 года: «...Отбывая наказание, показал себя с положительной стороны. Активно участвовал во всех общественных мероприятиях, в быту скромн, работал бригадиром, к труду

относился хорошо, по физпрофилю — инвалид 2-й группы» (выделено автором). Обращаем внимание на выделенные в этой справке фразы, поскольку на самом деле Мухаметша Бурангулов, находившийся в исправительно-трудовом лагере в Заярске, уже задолго до своего освобождения был признан инвалидом. Это следует из заявления от 5 мая 1954 года его супруги Зайнап Бурангуловой тогдашнему Председателю Президиума Верховного Совета СССР К.А. Ворошилову с просьбой пересмотреть дело ее мужа. К своему заявлению она приложила копию официальной справки о состоянии здоровья своего мужа, которая содержится в следственном деле В-6595.

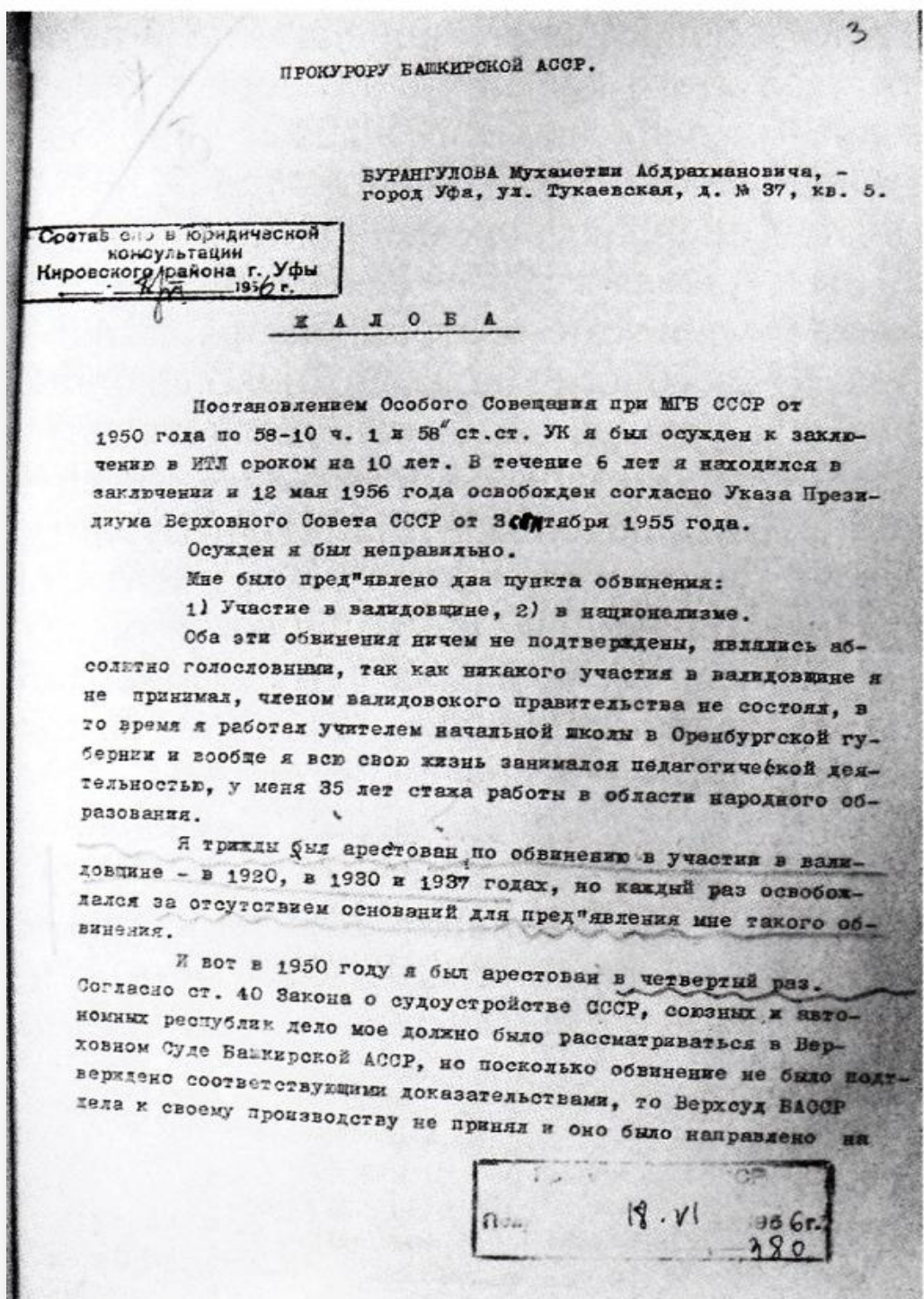
Из справки, находящейся в деле: «...Бурангулов М.А., 1888 года рождения, инвалид. Страдает атеросклеротическим кардиосклерозом, гипертонической болезнью, суставным ревматизмом, стенокардией и радикулитом, по инвалидности (выделено автором) в лагере не работает».

Первые страницы передопроса Мухаметши Бурангулова (13 ноября 1956 г.).

Вниманию читателей предлагаю документ, свидетельствующий о том, что первые попытки освободить Бурангулова из ГУЛАГа по инвалидности успехом не увенчались. Он будет досрочно освобожден из мест заключения только через четыре с половиной года, когда 30 декабря 1959 года Президиум Верховного Совета БашАССР отменит постановление Особого Совещания при МГБ СССР от 18 октября 1950 года в отношении Бурангулова М.А. за отсутствием состава преступления.

Через месяц после своего возвращения из Ангарлагеря в Уфу Мухаметша Бурангулов обратился в прокуратуру Башкирской АССР с просьбой «на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 14 августа 1954 года и статей 24 и 25 Положения о прокурорском надзоре истребовать мое [Бурангулова] дело, ...опротестовать Постановление Особого Совецания при МГБ СССР в Президиум Верховного суда БАССР на предмет отмены и прекращения дела за отсутствием в моих действиях состава преступления». Предлагаю читателю фрагмент первой страницы жалобы Мухаметши Бурангулова в прокуратуру Башкирской АССР.

*Жалоба Мухаметши Бурангулова
в прокуратуру БашАССР (18 июня 1956 г.).*

«...Арестовывался в 1918,1920, 1933, 1937, 1950-х годах»

Уже 30 августа того же года председателю КГБ при Совете министров БАССР поручили произвести тщательную проверку следственного дела В-6595 Мухаметши Бурангулова, выполнив при этом следующее:

— передопросить всех свидетелей о конкретно известных им фактах об антисоветской деятельности Бурангулова М.А., а также установить взаимоотношения обвиняемого со свидетелями;

— передопросить самого Бурангулова М.А. по существу предъявленного ему обвинения;

— путем приглашения специалистов произвести экспертизу всех произведений Бурангулова М.А.;

— проверить, как решались дела на арестованных по делу М.А. Бурангулова: Давлетшина Губайдуллы, Юлтыева Даута и приобщить к делу соответствующие справки;

— после окончания проверки дело с материалами проверки и заявлением Бурангулова М.А. вернуть в прокуратуру БАССР.

Пере проверка архивно-следственного дела В-6595 Мухаметши Бурангулова 1950 года, передпросы как его самого, так оставшихся свидетелей (по делам 1937 и 1950 годов), продолжались три года (с ноября 1956 по октябрь 1959). Нет никаких оснований сомневаться в подлинности этих передпросов, поскольку многие из них были проведены в присутствии помощника прокурора БАССР по надзору за следствием в органах КГБ, а после пункта «Об ответственности за отказ от дачи показаний по первой части статьи 92 УК РСФСР, за дачу заведомо ложных показаний по статье 95 УК РСФСР предупрежден» стоят соответствующие подписи. Более того, личной подписью Мухаметши Бурангулова заверены не только каждая страница его передпроса, но и многие его ответы на наиболее важные вопросы следователя.

Из передпроса М. Бурангулова (1956,13 ноября):

«Вопрос: За что Вы были арестованы в 1950 году?»

Ответ: На следствии меня обвинили в антисоветской националистической деятельности, в том, что я участвовал в контрреволюционной деятельности с валидовскими националистами и в том, что в последующие годы в своих произведениях проповедовал национализм.

Вопрос: Вы признали себя в предъявленных обвинениях?»

Ответ: Я признал себя на следствии в 1950 году виновным только в том, что в своих литературных произведениях допустил ошибки, которые заключались в том, что я мало освещал советскую действительность, увлекся фольклорным материалом, не сумел его критически оценить. Я признал себя виновным и в том, что в начале Февральской революции 1917 года участвовал в организации Башкирского национального правительства, участвовал на съездах и собраниях по организации местных шуру

(советов), на которых выступал с требованиями об автономии для Башкирии. Я не отрицал, что в то время полностью не был убежденным сторонником политики Коммунистической партии, не знал ее программу, но я без всякой программы был сторонником освобождения башкирского народа от помещиков и баев...»

Очень важным было и то обстоятельство, что со 2-го передопроса (датированного 15 ноября 1956 года) «по желанию свидетеля (Бурангулова) текст каждого листа протокола допроса будет написан им собственноручно и подтвержден его подписью».

Из передопроса М. Бурангулова (1956 года, 15 ноября):

«...В декабре 1917 года или в начале 1918 года на кантонном съезде Ток-Чурайского кантона я был избран членом кантональной управы и ведал в ней отделом народного образования. В феврале 1918 года после ареста Закия Валидова и его сторонников, произведенного Оренбургским губревкомом, на местах вместо кантональных валидовских управ были образованы кантревкомы, и я был назначен председателем кантревкома Ток-Чуранского кантона со стороны Башревкома. Однако на этой должности мне фактически работать не пришлось, поскольку по инициативе Центрального Духовного Мусульманского управления все муллы начали агитацию против Башревкома, объясняя народу, что Башревком — это большевистское правительство против валидовщины и разные другие грязи начали бросать на Башревком. Именно поэтому Башревком командировал меня в Уфу, где в то время рассматривался вопрос о разделении Духовного управления мусульман, имея в виду образование отдельного для Башкирии духовного управления¹⁵.

В начале апреля 1918 года на Оренбург совершили налет дутовские казаки, освободившие из тюрьмы Валидова и других членов контрреволюционного правительства, после чего Башревком из Оренбурга эвакуировался в Стерлитамак. Когда я вернулся в Ток-Чуран, он был занят белоказаками. Я скрылся и уехал в Бузулук, где была Советская власть. В мае того же года Бузулукским отделом народного образования был командирован в Казань для участия в работе созванного Наркомпросом РСФСР Всероссийского мусульманского съезда учителей.

Возвращение из Казани через Самару оказалось невозможным из-за занятия последней белыми. Пришлось по железной дороге ехать до Бугульмы, по пути я заехал в свою родную деревню Верхне-Ильясово к семье, и через 2-3 дня прибыл в Бузулук, который внезапно заняли белоказаки. Я не успел скрыться, меня арестовали и до полусмерти избili, объяснив это участием в Казани в съезде учителей, созванном большевиками, а также за то, что я писал Обращение к башкирскому народу против валидовского правительства¹⁶. Из тюрьмы вместе с другими заключенными через месяц меня освободили дружинники Красной Гвардии. Я вернулся в родную деревню, а

¹⁵ Речь идет о Башкирском муфтиате (Главном управлении мусульман Башкортостана), образованном на 3-м Всебашкирском курултае (Оренбург, 1917, декабрь) в целях создания независимого от ЦДУМа Внутренней России и Сибири собственного Башкирского Мусульманского Духовного управления, первым муфтием которого стал Сагит Мрясов (1917-1921).

¹⁶ Речь идет о статье Мухаметши Бурангулова «Разъяснение братьям-башкирам», опубликованной 21 (8) марта 1918 года в газете «Янга-Вақыт» (Новое время).

когда валидовцы возобновили все свои организации¹⁷, в том числе и Ток-Чуранскую кантональную управу, меня вызвали работать в качестве заведующего отделом народного образования.

26 мая 1919 года во время наступления Русской армии Колчака Башревком, дислоцировавшийся временно по мартовскому 1919 года «Соглашению Центральной Советской власти...» в селе Темясово, был эвакуирован в Саранск. Оттуда вернулся через полтора месяца (в августе того же года) в Стерлитамак, бывшим до 1922 года временной столицей Малой Башкирии, где начал служить Башкирской Советской республике.

Однако уже осенью того же года молодая Башкирская автономия на пути своего становления встретила активное сопротивление как со стороны соседних и оренбургских властей, так и со стороны Центра: они совершенно открыто не желали отдавать управление Башкортостаном в руки Башревкома. Особенно власть в Республике старались прибрать сидевшие в Башкирском обкоме партии противники автономии Малой Башкирии. На этой почве уже в январе 1920 года произошел открытый конфликт между Башревкомом и Башкирским обкомом РКП(б). Центр поддержал коммунистов и отозвал председателя Башревкома Хариса Юмагулова в Москву. В феврале на его место избрали Ахмет-Заки Валидова, сразу же создавшего местную, независимую от Москвы Башкирскую Чрезвычайную Комиссию, руководителем которой был назначен «свой человек» Фатих Тухватуллин¹⁸.

Это было время, когда Центральная власть в Москве готовилась к ограничению автономных прав Башкортостана и присутствие в Башреспублике Ахмет-Заки Валидова было для нее крайне нежелательно. В апреле 1920 года по настоянию Феликса Дзержинского Валидова в Москву отозвал ЦК РКП(б), а 19 мая того же года ВЦИК и Совнарком РСФСР издали декрет «О Государственном устройстве Автономной Советской Башкирской Республики», которым мартовское 1919 года Соглашение было фактически перечеркнуто. План дальнейших действий для членов Башревкома Ахмет-Заки Валидов изложил в теперь хорошо известном письме к ним, датированным 15 июня 1920 года, в котором он советовал своим единомышленникам *«захватить в свои руки богатства Башкортостана, усилить требования по возвращению меня и Юмагулова в Башкортостан»*, а в случае отказа Центра *выполнить эти требования, дал рекомендацию образовать независимую от РКП (б) Восточную коммунистическую партию Азии с лозунгом освобождения всех бедных народов Востока, а членам Башревкома разъехаться по Востоку и не оставлять в Стерлитамаке башкир, готовых служить русским шовинистам»*.

¹⁷ Башкирское правительство возобновило свою деятельность 16 июня 1918 года после захвата Челябинска белочехами. В его состав вошли Сагит Мрясов (временный председатель), члены правительства: Габдулла Адигамов, Габдулхак Габитов, Сайтгарей Магазов, Муллаян Халиков, Ахмет-Заки Валидов. Последний стал заведующим Военным отделом, одновременно и председателем Военного совета Башкирского правительства. Это правительство сразу же восстановило тесный контакт со всеми центрами контрреволюционного движения на востоке страны — Временным Сибирским Правительством, Самарским Комучем и атаманом А.И.Дутовым, захватившем Оренбург в июле 1918 года.

¹⁸ Тухватуллин Ф.Н. (1894-1938), член РКП(б) с 1918 года, с февраля 1919 - нарком внутренних дел и национальностей в правительстве А.-З. Валидова, заместитель председателя Башревкома, руководивший в период отсутствия Валидова работой правительства. Репрессирован (1937), расстрелян. Реабилитирован (1957).

Неудивительно, что уже через несколько дней большинство членов Башревкома покинуло Стерлитамак и разъехалось «по горам и степям Башкирии и Киргизии» (так в то время назывался Казахстан). Осознав полную бесперспективность сотрудничества с Советской властью, в июле 1920 года сам Ахмет-Заки Валидов выехал сначала в Баку, а оттуда — в Среднюю Азию.

Подробно рассказываю обо всех этих событиях потому, что майское постановление о государственном устройстве АСБР, изоляция от Башкортостана Хариса Юмагулова и Ахмет-Заки Валидова подверглись резкому осуждению со стороны части башкирского населения. В июне 1920 года группа башкирских коммунистов из 45 человек, состоящих в основном из известных участников башкирских национальных движений¹⁹, направила в адрес Исполнительного комитета III Интернационала Обращение, в котором, в частности, говорилось: «...Мы констатируем, что ЦК РКП (б) нарушил программу партии о праве наций на самоопределение... Мы выходим из состава РКП (б) и образуем самостоятельную Коммунистическую партию, с которой желаем войти в III Интернационал» [26]. Отголоском события 17 июня, когда Стерлитамак покинуло большинство членов Башревкома, стал арест Мухаметши Бурангулова в 1920 году.

Из передопроса М.Бурангулова (1959,15 января):

«...Я был арестован органами ВЧК, будучи председателем Ток-Чуранского кантона. Должен сказать, что вначале я был арестован не самими органами ЧК, а отрядом Габзалимова Курбана, бандитствовавшего в то время на территории кантона, который вместе со своими сподвижниками в 1923 или 1924 году за бандитизм Верховным Судом БАССР был осужден к расстрелу. «Габзалимовская шайка» сдала меня в Шарлыкский ЧК Оренбургского уезда, откуда меня передавили в Оренбург.

Мой арест в этом году совпал периодом бегства Закия Валидова и членов его правительства в Среднюю Азию. Часть бежавших, в частности, Тухватуллин Фатих и Алкин Ильяс были арестованы, я в Оренбургской тюрьме находился вместе с ними. Дело на Тухватуллина и других членов правительства Башкирской республики на месте разбирать не стали, а этапировали их (я оказался вместе с ними) в Москву в распоряжение Центральных органов ВЧК. В Москве я содержался в Бутырской тюрьме с августа 1920 до февраля 1921 года. Следствие по моему делу велось органами ВЧК

На допросе меня спросили, как я оказался с другими членами правительства Валидова, арестованными за бегство в Среднюю Азию, на который я ответил следователю о своей деятельности с 1917 по 1920 год, а также и об аресте в августе 1918 года белоказаками армии генерала Дутова в Бузулуке, когда его контрразведка обвинила меня в том, что я в Казани был на съезде учителей, созванном большевиками. После этого в течение 7 месяцев я на допрос ни разу больше не вызывался. Затем меня освободили из тюрьмы, выдав документ, в котором, как

¹⁹ В числе подписавших это Обращение в адрес Исполкома III Интернационала стояла фамилия Мухаметши Бурангулова, в то время члена РКП(б) с 1919 года, в дальнейшем выбывшим из партии механически.

сейчас помню, было написано, что я пострадал от контрреволюции. Таким образом, по делу 1920 года я был полностью реабилитирован самими следователями органов ВЧК, показавшими мне написанное мною при освобождении воззвание «Собратьям башкирам», переведенное на русский язык.

...Еще раз я арестовывался в 1933 году органами Мелеузовского ОГПУ, когда работал учителем башкирского языка (в Мелеузовской татаро-башкирской школе), но и тогда после продолжительного содержания в тюрьме был освобожден за отсутствием факта обвинения».

Скудные сведения об этом аресте Мухаметши Бурангулова содержатся лишь в следственном деле В-6595: «Бурангулов Мухаметша, 1889 года рождения, арестован 13 марта 1933 года в числе 18 человек по обвинению в том, что является участником контрреволюционной организации, систематически проводившей антисоветскую деятельность; подозревался в совершении преступления, предусмотренного статьей 58 пункт 2 УК РСФСР», но «после свыше двухмесячного содержания под стражей без следствия и суда 16 мая 1938 года по мотивам неустановления следствием фактов, достаточных для привлечения его к ответственности, в числе других пяти арестованных был освобожден, ...17 июня 1933 года в отношении других десяти обвиняемых, проходивших по делу, было вынесено заключение, что они являются участниками алаш-ордынского²⁰ контрреволюционного подполья, дело возвращено на исследование; но в ноябре 1933 года все арестованные из-под стражи были освобождены с прекращением в отношении их дальнейшего уголовного преследования».

Передопрос Мухаметши Бурангулова от 15 января 1959 года заканчивается краткой фразой: «...При аресте в 1937 году в городе Уфе меня обвинили в валидовщине и за связь со сторонниками Валидова и другими лицами из членов правительства Башкирии арестовали в этот год».

Из протокола повторного допроса М.Бурангулова (1950, 23 мая):

«...В 1935 — 1936 годах я работал в Юматовском сельскохозяйственном техникуме преподавателем башкирского языка и литературы, одновременно обучался заочно в Башпединституте на 3 курсе башкирского литературного факультета. В связи с экзаменационной сессией, состоявшейся в мае 1936 года, я как заочник прибыл в Уфу. В это же время в Уфу приехал из Москвы Шариф Манатов, как я позже узнал, с целью прощупать почву относительно своего устройства на постоянную работу в Башкирии. По случаю его приезда писатель Даут Юлтыев устроил у себя вечер, на который пригласил наиболее близких ему и Шарифу Манатову людей, в том числе Давлетишина Губая, работавшего в то время наркомом просвещения республики, Давлетишина Габбаса, преподавателя Башпединститута и меня, Бурангулова».

²⁰ Мухаметшу Бурангулова арестовали в 33 году, по-видимому, как бывшего сторонника Алашской автономии (декабрь 7 — март 1922), первого территориального образования на территории Российской части Центральной Азии с центром в Оренбурге, предопределившего создание Казахской АССР, преобразованного затем в союзную республику, именуемую в настоящее время Республикой Казахстан.

Из передопроса М. Бурангулова (Иркутск. обл., Ангарлагерь МВД СССР, 1956, 17 февраля)

Вопрос: *Что Вам известно о существовании в Башкирии до 1937 года антисоветской националистической организации? Что Вы конкретно об этом знаете и из каких источников?*

Ответ: *В этот период я работал в Альшеевском районе преподавателем башкирского языка и о существовании в Башкирии антисоветской националистической организации мне ничего не было известно. Я был только свидетелем ряда разговоров, о нем и говорил на допросах в 1938 году. Об антисоветских высказываниях и призывах и о какой-либо политической деятельности мне было ничего не известно.*

Вопрос: *За что вы арестовывались в 1937 году?*

Ответ: *После ареста Юлтыева и других валидовцев (речь идет о Губае Давлетишине [24] и Габбасе Давлетишине [2]) арестовали и меня как участника националистического движения.*

Вопрос: *Были ли Вы после ареста преданы суду и как было разрешено Ваше дело?*

Ответ: *Во время следствия меня за недоказуемостью в националистическом движении освободили из-под стражи в августе 1938 года.*

За отсутствием состава преступления...

17 октября 1959 года генеральной прокуратурой СССР в порядке надзора по следственному делу №2760 Мухаметши Бурангулова был внесен протест на постановление Особого совещания при МГБ СССР от 18 октября 1950 года, по которому он был привлечен к уголовной ответственности по статьям 58-10, часть 1 и 58-11 Уголовного Кодекса РСФСР «за принадлежность к антисоветской националистической группе и антисоветскую агитацию» и заключен в исправительно-трудовой лагерь сроком на десять лет, считая с момента ареста.

Ознакомившись с материалами следственного дела Мухаметши Бурангулова и дополнительной проверки, проведенной по заявлению (жалобе) осужденного, поданного им прокурору Башкирской АССР 8 июня 1956 года, то есть через месяц после освобождения из исправительно-трудового лагеря²¹, Генеральная прокуратура СССР посчитала, что постановление Особого совещания от 18 октября 1950 года в его отношении подлежит отмене, а дело прекращению производством по целому ряду МОТИВОВ:

— *установлено, что Бурангулов действительно происходит из зажиточной крестьянской семьи и после окончания в 1912 году духовного училища служил муллой, однако в 1917 году он от этого религиозного чина отказался и с этого года начал заниматься педагогической деятельностью;*

²¹ Мухаметша Бурангулов был освобожден 12 мая 1956 года из мест заключения (Иркутская область, г. Тайшет п/я 251/053) по указу Президиума Верховного Совета СССР от 3 сентября 1955 года «О досрочном освобождении из мест лишения свободы инвалидов, престарелых лиц...»

— действительно, Бурангулов после победы на местах Октябрьской социалистической революции и до перехода правительства Валидова на сторону Советской власти (20 марта 1919 года) служил в местных органах правительства Валидова, занимая руководящие посты в масштабе кантона. Однако на основании заключенного «Соглашения Российского рабочем крестьянского правительства с Башкирским правительством от 20 марта 1919 года» Бурангулов как член местного правительства Валидова, **репрессии не подлежал**²² (выделено автором); свидетели, допрошенные в процессе предварительного следствия и перепроверки дела, подтверждая службу Бурангулова в местных правительственных органах Валидова, а его практической контрреволюционной деятельности ничего не сказали;

— факт обвинения Бурангулова об участии его в 1920 году в проведении контрреволюционного саботажа основан на признательных показаниях самого осужденного и данным его ареста в 1920 году органами ЧК. Проверкой установлено, что Тухватуллин Фатих, Идельгужин Карим, Смаков Муса, Каспранский (Измайлов) Ахметкамал, якобы являвшиеся руководителями и участниками организованного контрреволюционного саботажа в 1920 году и осужденные в свое время, уже реабилитированы;

— в уголовном деле имеются копии документов Оренбургской губернской тюрьмы, в которых значится, что в ней содержался Бурангулов Мухаметшиа, арестованный в 1920 году за контрреволюцию и направленный впоследствии в распоряжение ВЧК в г.Москву. Однако вскоре после этого ареста Бурангулов был освобожден и к уголовной ответственности не привлекался;

— из приобщенных к делу официальных документов видно, что Бурангулов после освобождения из заключения в 1920 — 1922 годах занимался научной и педагогической деятельностью, свидетели (приведены фамилии десяти человек. — **Авт.**) охарактеризовали его в политическом отношении положительно и заявили, что в какой-либо форме антисоветской деятельности за ним не наблюдали. В материалах дополнительной проверки имеются показания свидетелей [приведены фамилии шести человек. — **Ю.Е.**] о том, что Бурангулов проявлял себя как противник советской власти. Однако показания этих свидетелей другими свидетельскими показаниями, как отмечалось выше, не подтверждены;

— обвинение Бурангулова о связях с башкирскими националистами в 1921 году во время пребывания его в Ташкенте основано исключительно на показаниях самого осужденного и другими объективными данными не подтверждено;

— будучи передопрошенным 11 февраля 1959 года, Бурангулов заявил, что его показания в протоколах допросов 1950 года записывались следователем неправильно.

²² Из «Соглашения Центральной Советской власти с Башкирским правительством о Советской Автономной Башкирии» (1919, 20 марта), подписанного председателем СНК В.И. Лениным, и.о. председателя ВЦИК М.Ф. Владимировым, народным комиссаром по делам национальностей И.В. Сталиным, секретарем ВЦИК А.С. Енукидзе, председателем Башкирского правительства М.Д. Халиковым, адъютантом командующего Башкирского войска А.И. Бикбатовым: «п. 16 Члены Башкирского правительства, административных учреждений и общественных организаций не подлежат репрессиям за свою минувшую деятельность».

Это подтверждается и тем, что Альмухаметов Газиз²³, являвшийся по показаниям Бурангулова, якобы лицом, связывающим националистов, проживавших в Средней Азии и БАССР и осужденный за это в 1938 году, реабилитирован определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 11 июля 1957 года.

— обвинение Бурангулова в участии его в 1935 году на сборище националистов, происходившем в Уфе на квартире Давлетишина Губайдуллы и Юлтыева Даута, также являются необоснованными. Давлетишин Губайдулла, Юлтыев Даут, осужденные в свое время за участие в контрреволюционной националистической и повстанческой организации, якобы возглавляемой Быкиным М.Б.²⁴, Тагировым А.М.²⁵ и другими, уже реабилитированы совместно со своими «руководителями»;

— дополнительная проверка показала, что Бурангулов в 1933 и 1937 годах арестовывался органами НКВД СССР как участник буржуазно - националистической организации, однако оба раза был освобожден без предания суду;

— на предварительном следствии в 1950 году Бурангулов обвинялся и в том, что как писатель-драматург в своих некоторых произведениях в освещении исторического прошлого башкирского народа допускал серьезные идеологические ошибки. Из дела установлено, что имевшиеся недостатки в творческой деятельности Бурангулова являлись предметом обсуждения партийных организаций; Правлением Союза советских писателей Башкирии 26 октября 1946 года был исключен из Союза писателей Башкирии. Однако постановлением

Правления Союза писателей СССР от 21 ноября 1947 года был восстановлен в рядах советских писателей.

Осуждение Бурангулова по ст.58-10 УК за его ошибки в литературных произведениях, изданных в свое время советским государственным издательством, совершенно неправильно [выделено автором. — Ю.Е.]. Поэтому, руководствуясь ст. 25 Положения о прокурорском надзоре в СССР, прошу постановление Особого совещания при МГБ СССР от 18 октября 1950 года в отношении Бурангулова Мухаметши Абдрахмановича отменить, дело производством прекратить за отсутствием состава преступления.

Зам. Генерального прокурора СССР

Государственный советник юстиции I класса Подпись.

Через три дня после появления этого документа, 30 октября 1959 года, Президиум Верховного Суда Башкирской АССР рассмотрел в своем заседании уголовное дело по протесту генеральной прокуратуры СССР на постановление Особого Совещания при МГБ СССР от 18 октября 1950 года в отношении Бурангулова Мухаметши Абдрахмановича и отменил последнее за отсутствием состава преступления.

²³ Альмухаметов Г.С. (1895—1938), композитор, музыкально-общественный деятель, народный артист БАССР (1929), с 1932 работал в Уфимском музыкальном училище, одновременно в БашНИИ языка и литературы. Репрессирован (1937), расстрелян, реабилитирован (1957).

²⁴ Быкин Я.Б. (1888-1938), советский партийный и государственный деятель. В 1929—1937 годах первый секретарь Башкирского отдела ВКЩб). Репрессирован (1937), расстрелян, реабилитирован (1956).

²⁵ Тагиров А.Т. (1890—1937), писатель, общественный деятель. С 1931 года — председатель БашЦИК, одновременно с 1934 — председатель Союза писателей БашАССР. Репрессирован (1937), расстрелян, реабилитирован(1956).

Остался в памяти народной

И все же Мухаметша Бурангулов еще многие годы вплоть до своей смерти, последовавшей в Уфе 9 марта 1966 года, фактически полностью реабилитирован не был. Его попытки восстановиться во всех своих правах и вернуть незаконно отнятые при аресте (архив и личную библиотеку) успехом не увенчались. Было отказано и в реабилитации литературных произведений драматурга: полный запрет на печатание произведений был, безусловно, самым тяжелым ударом в спину человека, перенесшего тяжелые жизненные испытания.

15 февраля 1960 года на прошедшем в Уфе областном совещании интеллигенции, посвященном задачам партийной пропаганды, против восстановления Мухаметши Бурангулова в Союзе писателей Башкирии выступил секретарь Башкирского обкома партии Х.С. Сайранов [26]. В прениях по его докладу один из тогдашних руководителей Союза писателей Башкирии выразил общее мнение республиканского руководства и общественности по этому вопросу. Он, в частности, сказал: *«...Вот наши соображения об общественной роли, духовном облике и, наконец, о признании того, кого партия называет своим боевым помощником. Быть помощником партии — это значит быть призванным не только исполнять, но и выражать самому ее волю, волю партии, а для того, чтобы выразить эту волю, она должна быть в тебе самом, должна быть партийной... За последнее время Правление Союза писателей имело случаи, когда у нас не хватило политической оценки. Приведу конкретный факт, когда наш старый литератор Мухаметша Бурангулов вышел из заключения, его восстановили в гражданских правах, что было делом гражданских властей.*

Другое дело, когда Союз писателей, идеологическое учреждение, не изучив творчество Бурангулова, поспешно восстанавливает его в рядах Союза писателей СССР, объективно признав пригодным его ошибочное творчество, осужденное решением ЦК [партии]. Писатель может быть членом Союза писателей лишь тогда, когда его произведения отвечают требованиям высокой политической идейности... Грубо говоря, Бурангулов стал членом Союза писателей за свои старые, идейно вредные произведения, его творчество далеко от того, чтобы помочь партии в воспитании людей».

Неудивительно, что на театральную сцену произведения Мухаметши Бурангулова вернулись лишь в 1990-ые годы. Сначала, через два года после его смерти, на страницах литературного журнала «Агидель» на башкирском языке увидел свет эпос «Урал-батыр». В 1975 году его перевели на русский язык, и эпос вошел в 1-й том двухтомника «Героический эпос народов СССР» (Москва: Худ. литература).

Собранные Мухаметшой Бурангуловым фольклорные материалы «Урал-батыр», «Заятуляк и Хыухылу», «Кара-юрга», «Ак-хак кола», «Кунгыр Буга» составили основное содержание 5-й книги «Башкирского народного эпоса» (1977, Москва:

Наука, ред. А.Сулейманов), многотомной серии «Эпос народов СССР», выпускаемой главной редакцией Восточной литературы издательства «Наука».

Собранные Мухаметшой Бурангуловым фольклорные материалы заняли достойное место в многотомном «Башкирском народном творчестве», систематизированном научном издании образцов башкирского фольклора в переводе на русский язык, выпускаемом Институтом истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук.

В 1994-2008 годах в Уфе издательство «Китап» выпустило три книги Мухаметши Бурангулова на башкирском языке [26-29], а в Мелеузе, где он проживал с 1930 по 1935 годы, городская библиотека, носящая имя Мухаметши Бурангулова, опубликовала 100-страничный дайджест «Имя его в сердца народном» [30], посвященный памяти своего земляка.

Не только нам, но и будущему поколению нужно знать малоизвестные или совсем неизвестные страницы биографии Мухаметши Бурангулова, замечательного знатока народного творчества и собирателя фольклора башкирского народа, внесшего неоценимый вклад в национальную культуру своего народа.

Литература

1. Хамидуллин, Б. Д. «Дело № 2760» / Б. Д. Хамидуллин // Башкирский фольклор: Исследования и материалы. Вып.6. - Уфа : Гилем, 2004. - 232 с.
2. Котов, В. Г. Башкирский эпос «Урал-батыр» : историко-мифологические основы / В. Г. Котов. - Уфа : Гилем, 2006. - 408 с.
3. Мухаметша Бурангулов - сэсэн, драматург, общественный деятель: Материалы Международной научно-практ. конференции, посвященной 130-летию со дня рождения Мухаметши Бурангулова (г.Уфа, 26 октября 2018 г.) / отв.ред. Б. А. Азнабаев, Н. М. Калмантаев. - Уфа: РИД БашГУ, 2019. - 256 с.
4. НА УНЦ РАН. Фонд 3. Оп.12. Дела 445, 446.
5. НА УНЦ РАН. Фонд 25. Оп.1. Д.57. - 12 с.
6. Зарипов, Н. Т. Мухаметша Бурангулов — народный сэсэн-сказитель / Сказительное и литературное творчество Мухаметши Бурангулова. Сб. статей. /БНЦ РАН - Уфа, 1991. -с.6-19.
7. НАУНЦРАН. Фонд 3. Оп. 12. Д. 445. Л. 263-264.
8. НА УНЦ РАН. Фонд 25. Оп. 1. Д. 57. Л. 6-7.
9. Ергин Ю.В. «От имени башкир — Шариф Манатов». // Педагогический журнал Башкортостана. - 2008. - №1(14) - с.126-144.
10. Ергин Ю. В. Судьба трагическая и яркая. [О Х.Габитове] // Ватандаш. -2018.- № 6.- с. 9-34.
11. Ергин, Ю. В. Абдулла Адигамаев, первый нарком просвещения Большой Башкирии. //Педагогический журнал Башкортостана. - 2007. - №3 (10). - с. 86-100.
12. Ергин, Ю. В. Габдрахман Фахретдинов (Подлинные документы Следственного дела В-4506 журналиста и историка Г.Фахретдинова, сына муфтия ЦДУМ Ризаитдина Фахретдинова). // Ватандаш. - 2016. - №2. - с.45-61.
13. Ергин, Ю. В. Хадиат Сагадиев, последний нарком просвещения Малой Башкирии. // Педагогический журнал Башкортостана. -2012. - №4 (41). - с. 91-106.
14. Ергин, Ю. В. Академический центр Башкирского наркомата просвещения 11922-1936) // Вестник Башкирского университета. - 2006. Том 2. - № 1. - с. 121-128.
15. НА РБ. Фонд Р-933. Оп. 1. Д. 75. Л. 32.
16. НА РБ. Фонд Р-394. Оп. 5. Д. 10. Л. 37.
17. НА РБ. Фонд Р-798. Оп.1. Д. 1268. Л. 14.
18. НА РБ. Фонд Р-394. Оп. 1, Д. 30. Л. 4.
19. НАРБ. Фонд П-122. Оп. 24. Д. 4. Л. 2-60.
20. НА РБ. Фонд П-25. Оп. 1. Д. 59.
21. НАРБ. Фонд П-122. Оп. 29. Д. 566
22. НАРБ. Фонд П-122. Оп. 10. Д. 10.
23. Ергин, Ю. В. Расстрелянный нарком (к 115-летию Г. К Давлетшина) // Педагогический журнал Башкортостана. - 2008. - № 6 (19). - с. 108-123.
24. Ергин, Ю., В. Габбас Давлетшин, один из основоположников современного башкирского языкознания // Педагогический журнал Башкортостана. - 2009. - № 4 (23). - с.133-141.

25. НАРБ. Фонд П-9776. Оп.2. Д.50. Л.30.

26. НА РБ. Фонд П-122. Оп.47. Д.202. Л.98.

27. Бурангулов, М. А. Таштугай : пьесы / сост. И. Буляков. — Уфа : Китап, 1994. - 494 с. (башк. яз).

28. Бурангулов, М. А. Завещание сэсэна : о народном творчестве и его создателях, свадебные обряды, старинные песни, легенды, кубаиры. – Уфа : Китап, 1995. - 352 с. (башк. яз).

29. Бурангулов, М. А. Избранные произведения. Уфа : Китап, 2008. - 488 с. (башк. яз).

30. Имя его в сердце народном : М. А. Бурангулов (1888-1966) : дайджест / сост. Н. С. Исхакова. — Мелеуз, 2011. - 102 с.

Ергин, Юрий

Мухаметша Бурангулов и его следственное дело В-6595 / Ю. Ергин. – Текст : непосредственный // Ватандаш. – 2023. – № 6. – с. 45-63.

Ергин, Юрий

Мухаметша Бурангулов и его следственное дело В-6595 / Ю. Ергин. – Текст : непосредственный // Ватандаш. – 2023. – № 7. – с. 58-66